

Андреа Имз

Там, где крадут сердца

ПОЖАЛУЙ, САМОЕ УЮТНОЕ ФЭНТЕЗИ

Андреа Имз

Там, где крадут сердца

«O2»

2025

Имз А.

Там, где крадут сердца / А. Имз — «О2», 2025

ISBN 978-5-353-12062-9

Спокойствие, благополучие и сплетни – жизнь в волшебном королевстве идет своим чередом. Иногда из города приезжают волшебницы и собирают у деревенских жителей частички их сердец для сотворения чар. Именно эти чары дают возможность простым людям благоденствовать. Но когда колдун невольно забирает с собой кусочек сердца Фосс, дочери мясника, она приходит в ярость. И отправляется в город с требованием вернуть все как было. Волшебный Дом принимает девушку благосклонно, а самым близким другом становится говорящий кот Корнелий. Но вот колдун Сильвестр оказывается довольно ленивым и обидчивым, и он понятия не имеет, что делать. В поисках лекарства Фосс узнает, что за покорением сердец – и за кажущимся благополучием простых людей – скрывается нечто жестокое и разрушительное. Что-то способное уничтожить все королевство.

ISBN 978-5-353-12062-9

© Имз А., 2025

© О2, 2025

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	19
Глава 5	25
Глава 6	32
Глава 7	38
Глава 8	45
Глава 9	57
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Андреа Имз

Там, где крадут сердца

Данное издание является художественным произведением и не пропагандирует совершение противоправных и антиобщественных действий, курение, употребление алкогольных напитков. Употребление алкоголя и курение вредит вашему здоровью. Описания и/или изображения противоправных и антиобщественных действий обусловлены жанром и/или сюжетом, художественным, образным и творческим замыслом и не являются призывом к действию.

Copyright © 2025 by Andrea Eames. ALL RIGHTS RESERVED

Translation rights arranged by Jill Grinberg Literary Management, LLC and The Van Lear Agency LLC.

© ООО «РОСМЭН», 2026

Глава 1

Говорят, что волшебство – настоящее волшебство, а не ту чепуху, которую бабы-знахарки продают по шепотке из своих мешочков с порошками и травами, – можно сотворить, только заполучив человеческое сердце.

Вот почему волшебницы, проезжавшие через нашу деревню, волшебницы в больших каретах с золочеными завитушками и бархатными занавесками, бывали так красивы. Их красота разбивала мужские сердца, а женские заставляла исходить ревностью, хотя женщинам лучше удавалось скрывать чувства.

Прибыв в нашу деревню, волшебницы на глазах у всех отправлялись на рынок покупать травы – у нас выращивали травы, – словно собирались варить зелье, как старые знахарки. На самом же деле эти дамы высасывали частички сердец тех, кто собирался посмотреть на них. Мы все об этом знали. Знали – и всё же бежали к ним, хотя куда разумнее было бы засесть по домам.

Для того волшебницы и колесили по деревням: они собирали частицы сердец, ничем не примечательных деревенских сердец, но на небольшие заклинания этих комочков все же хватало. Говорили, что каждый мужчина, каждая женщина, которые становились жертвами их чар, отдавали частицу своего сердца, едва увидев кого-нибудь из них, а волшебницы клали их в карман, чтобы использовать в магическом заклинании или заговоре.

Волшебницы редко забирали сердце целиком, для этого понадобилось бы выманить человека из деревни – во всяком случае, так мы думали; во время своих приездов они отщипывали от сердец понемногу; кажется, для их нужд было достаточно и малого.

Не знаю, откуда мы узнавали о сердцах, но знали мы о них с пеленок. Наверное, родители рассказывали нам эти истории, еще когда мы лежали в колыбели, но я не помню, когда и как услышала про сердца в первый раз.

Мы знали, что для настоящего волшебства потребно сердце – это единственное настоящее средство, – хотя время от времени какому-нибудь шарлатану удавалось продержаться какое-то время на чайной заварке и травах; мы знали, что от сердца могут забрать кусочек побольше или поменьше и жертва почти ничего не заметит; знали, что сердце можно даже извлечь из груди, словно устрицу из раковины; а еще мы знали, что чародеи забирают сердца у тех, кто живет в деревнях, далеко от столицы и от королевского дворца. У людей вроде нас.

Волшебницы вершили какие-то колдовские дела – но какие? Никто этого не знал, да никто и не интересовался. В столичном городе они могли колдовать как угодно, наши занятия их не заботили, а нас не заботили их занятия. Наверное, болтали мы на досуге, эти дамы своей ворожкой убивают кого-нибудь – убивают тех, кого пожелал умертвить король. Большая политика, так-то.

Наше королевство не вело войн; насколько нам было известно, оно не воевало уже сотни лет. И не исключено, что мы не знали войн благодаря волшебницам и их волшебным трудам.

Волшебницы брали у нас не так много, чтобы нас это обременяло, к тому же любое неудобство, причиняемое похищением сердец, с лихвой покрывалось восторгом, которым сопровождалась их визиты; во всяком случае, именно так мы считали.

Спокойное отношение к тому, что на деле было медленно наносимым увечьем, позже казалось мне странным, но в то время и я, и все прочие относились к происходящему вполне благодушно. Пока волшебницы сидели в столице, мы охотно закрывали глаза на их деяния.

Вообще говоря, в городе бывал всего один наш односельчанин: добрый муж Прыщ. (Ладно, еще один наш односельчанин уехал в город не по своей воле, но о нем я расскажу позже.) Но история с Прыщом случилась тридцать лет назад, и он почти выжил из ума, так что толку от него было немного.

Мы старались по возможности не покидать деревню, а пределы королевства – и подавно. Время от времени через наши края проезжали путешественники, которые направлялись Куда-Нибудь Еще, но чаще мы видели, как они возвращаются назад. Они всегда казались озадаченными тем, что не смогли уехать дальше. Позже мне стало казаться, что мы были на удивление нелюбопытными, но в то время мы редко задавались такими вопросами.

Подданные нашего короля обычно рождались и умирали, не покидая родной деревни. Да и какой смысл покидать ее? Все деревни походили на нашу; а за границами королевства нас, насколько мы слышали, не ждало ничего, кроме войн и опасностей. В столице же имелись ужасы похлеще волшебниц и похищенных сердец.

До нас доходили истории о детях, которых оставили в городе их родители – а может, они сами заблудились. Дети эти сбивались в банды карманников или попросту исчезали без следа. Если мы плохо вели себя, взрослые пугали нас, говоря, что отвезут нас в город и мы присоединимся к этим бандам. Папа, конечно, так не говорил, а вот родители других ребят – случалось.

Женам и невестам не нравилось, когда приезжали волшебницы: уж больно страстные взгляды бросали на красавиц их благоверные.

Женщины, скрестив руки, неласково хмурились, наблюдая, как эти очаровательные дамы высасывают сердца, по праву принадлежавшие женам. Во всяком случае, они так считали.

Я получала немалое удовольствие, глядя, как мужчины ежатся то под взглядами волшебниц, то опасаясь страха и гнева своих лучших половинок. Потом, когда волшебница отбывала, женщины приходили в лавку, цокали языками, жаловались на слабости мужчин. Я невозмутимо выслушивала их, заворачивая им мясо, однако в душе ликовала.

Мне нравилось, что они так негодуют. «Побудьте-ка хоть недолго в моей шкуре», – думала я. Даже самые хорошенькие мои односельчанки волшебницам в подметки не годились, а я никогда не сомневалась, что я самая неприметная девица во всей деревне.

Я знала, что мне никогда не стать молодой женщиной с младенцем на коленях, не стать даже степенной матроной в переднике, припорошенном мукой. Я убеждала себя, что такое положение дел меня более чем устраивает, однако все же не без удовольствия наблюдала, как женщины бесятся от ревности. Я не могла найти у себя в душе сочувствия к ним.

Но волшебницы и правда умели очаровывать. Даже я не могла этого отрицать. Как-то одна из них, вылезая из кареты, взглянула на меня – и улыбнулась так, словно я ей страшно интересна, словно я человек, о котором ей, будь у нее время, хотелось бы знать больше. Тогда-то я и поняла, как они разбивают сердца, эти женщины.

* * *

Мы знали только одного человека, которого волшебницы увезли на самом деле. Обычно во время своих редких визитов эти дамы просто высасывали для своих целей достаточно сердец у изрядного количества идиотов, а потом уезжали, словно собрав урожай самых спелых плодов.

Мне казалось, что время от времени они выходят из игры, а может быть, и нет – эти красавицы, похоже, не старились; наверное, они просто ждали, пока новые идиоты дозреют до того, чтобы с вожделием смотреть на волшебных городских дам. Дураки в нашей деревне всегда плодились с лихвой.

Возможно, к нам приезжали одни и те же дамы, просто они наведывались к нам так давно, что даже старейшие односельчане уже не помнили, когда это началось.

Так вот, одного из наших как-то увезли в город. Ничем особенным этот человек не отличался: не красавец и не урод, не молод и не стар. Он уже перешагнул брачный возраст настолько, чтобы большинство девушек забыли о нем, но не настолько, чтобы они время от времени не подмигивали ему.

До этого случая я даже имени его запомнить не могла, знала только, что оно начинается на Д – Дом? Денис? Но после того, как его увезли, его имя выучили все, оно стало единственным в своем роде; такие имена начинают нашептывать, они звучат как музыка: *Дэв. Дэв Пест.*

В тот день в деревню приехала очередная волшебница; из кареты, как обычно, показалась хорошенькая белая ножка. Иные ножки оказывались стройными, иные налитыми и полными, но у всех чародеек были такие тонкие лица, что перехватывало дыхание; кожа у них бывала всех цветов, от белой до угольно-черной; а волосы – кудрявые ли, нет ли – всегда словно светились изнутри.

Над прическами волшебниц явно немало трудились: косы и блестящие были пристроены на голове самыми хитрыми способами. Они, эти дамы, усыпали драгоценными камнями все, что получится: пальцы, запястья, лодыжки, у некоторых даже нос был проколот.

Платья они носили всех цветов, а юбки шириной не уступали четырем пивным бочкам доброго мужа Фитиля; держались они на плетеном каркасе.

Юный Сэм Стеббин клялся, что заглянул однажды под такую юбку, когда дама спускалась из кареты по лесенке. Сэм говорил, что лежал на земле – он, мол, что-то обронил и полез поднимать (врал, конечно); взглянул вверх и мельком увидел нижнюю юбку, потом – позванивающий браслет на лодыжке, а выше – великолепную ножку. Парни заставляли его повторять эту повесть снова и снова.

Волшебницы до последней минуты не раздвигали занавески в окнах своих карет, и мы привставали на цыпочки, чтобы разглядеть их; штаны у мужиков бугрились на ширинке, словно их дружки тоже привставали на цыпочки, желая бросить любопытный взгляд на элегантных городских дам.

Дэв тогда работал на рыбном рынке. Он подолгу торчал на реке, а потом возвращался оттуда с палками, на которых болтались связки вонючих рыбешек. Да и сам он попахивал рыбой. До того самого дня о нем только это и знали.

У волшебницы – той самой, что увезла Дэва, – на золотые волосы была наброшена черная вуаль, и золото светилось сквозь кружева, как маргаритки в траве.

Она даже не стала, как обычно, делать вид, что собирается к травнице. Грациозные ножки в ботинках на пуговках ступили на нашу грязную деревенскую землю, и волшебница без тени смущения огляделась. Она смотрела на толпу зевак, словно добрая жена, которая щупает дыни и взвешивает яблоки у прилавка с фруктами, и глаза у нее были желто-зеленые.

Заметив Дэва, стоявшего у своего прилавка рядом с бочкой рассола и шестью с сушеной рыбой, чародейка указала на парня длинным пальцем.

Дэв глупо огляделся – вправо, влево, потом назад, но затем сообразил, на кого она указывает, и брови у него подскочили так высоко, что исчезли в волосах.

Волшебница улыбнулась. Дэв качнулся вперед, едва не перевернув бочку с рассолом, и, спотыкаясь, побрел через молчаливо глядевшую на него толпу.

Люди раздались, давая ему поход, как давали проход деревенскому пьянице, доброму мужу Трю, только без смешков и непристойных шуточек. Все понимали: не надо удерживать Дэва, пусть идет своей дорогой.

Волшебница продолжала подманивать его пальцем все время, пока он, пошатываясь, брел к ней; красивая ручка не дрогнула. Дойдя до волшебницы, Дэв встал, колеблясь, как трава на ветру. Он не отрываясь глядел в ее исполненное совершенства лицо, а мы не отрываясь глядели на него.

Чародейка улыбнулась, и сердца наши качнулись, как сушеные рыбины на шесте Дэва. Потом она открыла дверцу кареты, поднялась по ступенькам и скрылась внутри. Дэв, спотыкаясь, последовал за ней. Он выглядел деревенщиной и был деревенщиной. Мы увидели, как из темного зева кареты протянулась изящная ручка, и дверь с тихим щелчком захлопнулась.

Мы не разошлись по делам. Мы молчали. Мы ждали. Прошло немного времени – четыре минуты, пять? Трудно сказать. Колеса с чмоканием выдрались из грязи, и экипаж с грохотом покатил назад по дороге, по которой приехал.

Едва карета скрылась из виду, люди загомонили. Сначала тихо, потом громче. Началась досужая болтовня. Непристойные предположения: чем там Дэв с волшебницей занимаются в карете. Стали звать стражу – не может же волшебница *увезти* его за здорово живешь! Кто знает, для чего он ей понадобился? Разве это законно?

А мужчины с вожделием смотрели вслед карете, поголовно желая оказаться на месте Дэва. Может быть, они мечтали, что когда-нибудь другая карета остановится, другая дама поманит их и увезет с собой в город, чтобы использовать, как ей заблагорассудится, а они и не станут возражать, пусть она выжмет их, как перезрелые плоды. Может быть, они воображали, что в чародейках волшебное все, вплоть до самых тайных мест. Что влагища их сияют, или оттуда сыплются искры, или они раскрываются, подобно цветам.

Никто не позвал стражников. В конце концов, Дэва, может, и увезли, но уехал-то он по своей воле. Мы все тому свидетели. К тому же стражники против волшебниц не сильнее каких-нибудь святых пустыльников. Зачем нам законы или даже боги, если мы живем под защитой волшебниц, которым все под силу? Ничто не сравнится с их могуществом. Мать Дэва плакала. Жители деревни предприняли несколько вялых попыток связаться с городскими властями, хотели писать письма – но никто не знал, куда их посылать.

Дэв вернулся через неделю или дней через десять и был один. Его нашли лежащим на его же рыбном прилавке, ранним утром, когда первые торговцы привезли в тележках провизию и цветы.

Он храпел, лежа головой на земле; задранные ноги мокли в его же жестяной бочке с протухшим рассолом, который никто не удосужился вылить. Был Дэв голый, как говорили некоторые, и с большим синяком на груди. Я после этого никогда не видела его без рубахи и не могу сказать, правду говорили люди или нет.

Дэва растолкали, плеснув вонючей воды ему в лицо, похлопали по щекам и завернули в дерюгу, чтобы он выглядел хоть сколько-нибудь пристойно. В ответ на вопросы о том, что с ним случилось, Дэв только с ошеломленным видом оглядывался через плечо, словно искал кого-то. Он походил на ребенка, высматривающего мать в толпе; казалось, он вот-вот заплачет. Большие пересохшие губы дрожали.

Мать Дэва какое-то время держала его подальше от посторонних глаз. И за задернутыми занавесками, чтобы никто из деревенских не мог бросить на него любопытный взгляд.

Наконец Дэв выполз из дома; он походил на человека, выздоравливающего после долгой болезни. Он даже ходил с палочкой, бог ты мой! – я думала, что для видимости. Волшебница, надо полагать, не ногами его интересовалась.

– Бедняга, – сказал как-то отец, качая головой (Дэв как раз проходил мимо нас).

– Слабак. Его окрутили, а он и поддался, – сказала я, сдувая с лица прядь волос.

День в лавке выдался исключительно жарким и суматошным, я впала в раздраженное состояние и меньше обычного была склонна проявлять понимание.

Па взглянул на меня и мягко заметил:

– Не суди так скоро, Фосс. Мы не знаем, каким волшебством она его осилила. И не знаем, как сами повели бы себя на его месте.

– Я-то уж точно не поддалась бы. Будь она хоть какой красавицей.

Па улыбнулся. Так он улыбался, когда говорил о маме, – грустная улыбка, в которой одновременно светилось счастье.

– Увидим, – сказал он. – Ты еще очень молода. Сделать человека дураком – или слабаком, как ты выражаешься – может не только волшебство. Этой силе поддавались мужчины и покрепче Дэва.

Я фыркнула, но рассмеялась. Да, Па всегда умел смягчить меня.

В деревне, конечно, много судачили о приключениях Дэва с волшебницей. Громкие разговоры в кабаке, приглушенные – на улице; мужчины старались, чтобы женщины не услышали их болтовни, но меня-то за женщину никто не считал, так что я много чего наслушалась.

Разговоры велись вполне ожидаемые. О казематах, напичканных всевозможными приспособлениями для темных удовольствий. Дэва, в ошейнике раба, заставляют вылизывать геморроидальные шишки его госпожи или, в более кровожадных вариантах, пожирать куски собственного сердца, подаваемые ему в виде элегантных закусок, нафаршированные какими-нибудь оливками без косточек и нежнейшим сливочным сыром.

Всем страсть как хотелось, чтобы Дэв рассказал про самый сок – а если не про сок, так хоть про ужасы. А может, и про то и про другое.

Но Дэв ничего не рассказывал. Когда его спрашивали – а его спрашивали, поначалу намеками, потом, когда он не соизволил выложить подробности, более настойчиво, – он принимался плакать, как ребенок, лицо его делалось беззащитным, потерянным и мокрым, и мужчины в смущении отводили глаза.

Он часами плакал в кружку с элем, не зная стыда, как младенец, отчего все, кто сидел у стены, искоса поглядывали на него. Спустя какое-то время вопросы прекратились.

Дэв никогда не рассказывал, как ему жилось с волшебницей. Он так и не женился, не завел подружку. До меня долетали слухи, а еще я видела, как он проходил мимо окон лавки с потерянным видом, словно у него что-то отняли, и все высматривал кого-то в толпе.

Мне и в голову не приходило самой заговорить с ним о волшебнице или начать расспрашивать о том, как ему, зачарованному, жилось. Мне в те дни казалось, что волшебницы не имеют ко мне никакого отношения, – я только смотрю, как они проезжают через деревню. Какой же я была душой.

Глава 2

Мы с Па жили в центре деревни, прямо за нашей лавкой, в самой гуще событий. Па был мясником, и неплохим; руки его походили на бараньи окорока, а секачом он так ловко снимал мясо с костей, что остов туши и тот был в восторге.

Я работала с Па в лавке. Меня это более чем устраивало. Я стояла за прилавком и наблюдала через большие окна, что происходит на деревенской площади; меня же при этом мало кто видел. Да и сама работа мне нравилась.

Управляться в лавке было по большей части моей обязанностью. Отец разделявал туши, а я принимала заказы и деньги. Каждый день я, под неодобрительным взглядом короля, изображенного на портрете, – закон требовал, чтобы такой портрет был в каждой лавке, у нас он висел на задней стене, – подсчитывала монеты, производя, к своему удовольствию, все вычисления в уме. Я гордилась тем, как легко мне даются вычисления и как быстро я соображаю.

Как я уже говорила, деревня наша мало отличалась от других деревень. Несколько лавок, включая нашу мясницкую, а также кузницу, сгруппировались вокруг рыночной площади, на которой раз в неделю ставили свои прилавки торговцы помельче. Дома уходили к крестьянским полям; у реки раскинулся рыбный рынок.

Мы, жители деревни, куда никто не приезжал и откуда уезжали очень немногие, были очень разными: наши края сотни лет заселяли и переселяли – сначала кочевники, охотники и земледельцы, потом – воины, сражавшиеся в давних войнах.

С тех пор все давно переженились со всеми, но на человеческом разнообразии это сказало мало. По орехово-коричневой коже доброй жены Мег, например, было видно, что ее предки происходят из краев, где много солнца, а высокие скулы и почти гигантские руки и ноги Калли-простака свидетельствовали о том, что его род происходит от могучей расы воинов, хотя сам Калли был человеком мягким и ходил ссутулившись, чтобы выглядеть не таким высоким и грозным. Что же касается моей матери, то у нее кожа была почти золотистой, а волосы имели оттенок темного табака, но во мне почему-то победила отцовская бледность.

Однако мы жили под защитой короля и волшебниц, сколько помнили односельчане, их бабушки, дедушки и дедушки дедушек, и враждебные войска не вторгались в наше королевство. Сама мысль о войне задержалась только в кровавых сказках о смерти, а рассказывались такие сказки не часто.

Я всегда была белой вороной. Мать, дочка богатого купца, удивила всех, включая собственных родителей, которых я никогда не видела, выйдя замуж за скромного мясника. Она умерла, рожая меня, своего первого и единственного ребенка, и я не могла не думать, что я каким-то образом виновата в ее смерти.

Смерть от родов в нашем королевстве была чуть ли не проклятием, только не для матери, а для ребенка. Старое поверье, которое никак не хотело уходить.

Нам говорили, что волшебницы, собирая у нас урожай сердец, нам же приносят пользу: матери больше не умирают в родах, а младенцы рождаются здоровыми. То же касалось детей постарше и детенышей животных. Нам не уставали твердить, как нам повезло, что волшебницы не оставляют нас своими благодеяниями.

До того как волшебницы встали на защиту королевства – во всяком случае, так говорили предания, – овцы теряли ягнят, когда ягнились; телята иногда рождались мертвыми, их вынимали из материнской утробы в водной оболочке, бездыханными.

Однако за то время, что король сидел на троне, случаи мертворождения практически сошли на нет; матери тоже редко умирали родами, обессилев от потуг. Детей рождалось все меньше, но это была малая плата, хотя пожилых людей в королевстве все прибавлялось. Пожилых было теперь так много, а детей так мало, что жизнь в деревнях казалась сонной, тяжелой на подъем – но ведь мы сами были сонными, тяжелыми на подъем людьми.

Моя мама оказалась среди тех немногих, кто, порождая другую жизнь, потерял собственную. В детстве другие ребята жестоко дразнили меня, намекая, что я из тех брошенных детей, кто, попав в столицу, болтается по улицам или исчезает без следа.

И то сказать: в тех редких случаях, когда корова, овца или кобыла не переживали родов, предполагалось, что с теленком, ягненок или жеребенком что-то не так. Фермеры не тратили времени и корма зря, не гадали, что вырастет из новорожденных; таких детенышей сразу сдавали на скотобойню. Чтобы потом проблем не было.

Родители не одобряли своих чад, во всяком случае, напрямую их не поддерживали, однако и прекратить дразнилки не призывали. Издевательства прекращались, если их мог услышать Па. Все знали, на что он способен, как безоглядно любит меня. А я никогда ничего ему не говорила – знала, что он расстроится.

Па взял жену себе не по чину. Кое-кто поговаривал, что моя мать была слишком хрупкой для жены мясника, слишком нежной для нашей простой жизни и нашего простого жилища.

Я выросла. Руки у меня стали сильными, как и подобает рукам дочери мясника; у меня было круглое лицо и фигура, которую можно описать в лучшем случае как «крепко сбитая». Волосы морковного цвета едва доставали до плеч, сколько бы меда я в них ни втирала. В лавке я все равно убирала их под чепец, так что их мало кто видел.

Передник, который я повязывала каждый день, девственно-белый в первый час после открытия лавки, к закрытию становился мятым, влажным, в пятнах крови. За прилавком из-за возни с мясом всегда бывало душно, и я выглядела как бог знает что, хотя меня это не заботило. И Па это не заботило. В мясной лавке полагается быть потным и краснощеким, так что никто не бросал на меня странных взглядов.

Другое дело, когда мне надо было приодеться – в церковь или в гости; тогда я влезала в тесные чулки и платье, накручивала на себя ленты. В лавке люди знали, чего ожидать. Они понимали, что увидят меня – во всей моей красе, не разряженной в пух и прах. Обычно я обходилась безо всей этой чепухи.

Правда, иногда я видела девочек – тех, с кем когда-то ходила в школу; они гуляли под ручку со своими милыми, и тогда я испытывала болезненный укол.

Иногда девушки эти становились женами, и тогда они приходили в лавку за парой приличных котлет на косточке или стейков, чтобы приготовить столь же приличный обед своему Неду, Найаллу или кто там ждал их дома. А потом – обычно времени проходило не так уж много – они возвращались, на этот раз уже за тушей целиком или за потрохами на суп; так я понимала, что у них народились маленькие Недики или Найаллы.

Стыдно признаться, но у меня тоже был Нед или Найалл. Точнее, не то чтобы был – мне просто хотелось, чтобы он был; мне никогда не приходило в голову, что женщинам вроде меня

– неинтересным, непримечательным, *трезвомыслящим* женщинам – не положено хотеть таких вещей, хотя всем остальным это было ясно как божий день.

Я думала, что и мне можно вздыхать по какому-нибудь парню, как вздыхали другие, и мечтать о букетиках на ступеньках моего крыльца или камешках, брошенных ночью в мое окно. Тогда я была моложе, но потом поняла, что я не столько женщина, сколько некто вроде мула или курицы-несушки: мое дело – приносить пользу, а восхищаться мною необязательно.

Мне даже сейчас больно вспоминать об этом. Как глупо я улыбалась, когда он являлся в лавку за вырезкой – младший из мальчиков Ходжес, Арон, лопухий, с обветренными губами. Мужчинам можно быть некрасивыми, для них-то красота не имеет ни малейшего значения. Я говорила с ним, склонив голову к плечу, – потому что так делали другие девушки.

Сейчас, когда я вспоминаю об этом, когда вижу, как я, потная, красная, в чепчике в кровавых пятнах, тарашусь на Арона так, будто он само совершенство, меня словно тычет под ребра жестким пальцем кто-то недобрый.

Как бы то ни было, я питала надежду, что Арон ко мне равнодушен. Я уж сколько намеков я ему подавала. Каждый раз, когда он входил в лавку, мне казалось, что он пришел повидать меня. Хуже того: так думал и Па, потому что он-то свято верил, что у меня из задницы солнце сияет и что я краше тысячи волшебниц.

– Ты подаришь мне внуков раньше, чем я думал. Давай-ка освободим побольше места в свинарнике, чтобы им было где устроиться на ночь.

– Па! – Я шлепала его по руке, но втайне мне было приятно.

Со стыдом вспоминаю, сколько времени мне понадобилось, чтобы понять: Арон не только не питал ко мне ответной страсти, но и моей не замечал, так что все мои ужимки были и унижительными, и смехотворными одновременно.

Знаю, что вам это покажется смешным, но когда Арон подсунул под нашу дверь записку, то я не заподозрила дурного. Я всю жизнь прожила с Па, который любил меня больше всего на свете, и, несмотря на издевки, преследовавшие меня в детстве, и зловещие обстоятельства моего рождения, я понятия не имела, что в глазах любого другого мужчины дерьма не стою.

В записке Арон звал меня к себе на ферму помочь давить вино. Его семья, Ходжесы, жила виноделием, они отправляли большие бочки в питейные заведения и даже в столицу. Арон назначил день и время. Я сказала Па, и он благословил меня. Я надела платье с вышитыми желтыми цветочками и уложила косу короной. Такой красавицей я не выглядела еще никогда.

* * *

На ферме меня уже ждали Арон и бочка винограда. Арон вымыл и вытер ветошью ноги, готовясь давить виноград. Улыбаясь от одного оттопыренного уха до другого, он попросил меня снять обувь и тоже вымыть ноги. Я послушалась; он подал мне руку и помог забраться в бочку с виноградом. Помню зеленый кислый запах ягод, помню, как они лопались у меня между пальцами.

Потом Арон проводил меня домой. Я надеялась, что он меня поцелует или хотя бы подержит за руку, но мы просто вместе дошли до мясной лавки. Ступни у меня покалывало после винограда, я ощущала на себе фруктовый запах; приятное разнообразие, а то в мясной лавке вечно царил удушливый запах крови.

Надо отдать Арону должное: он ловко все спланировал. Его затея стала ясна не сразу, и когда он перестал казаться носом, я просто решила, что он меня бросил.

Каждую божью ночь я поливала подушку слезами – до того самого утра, когда пришла на рынок и обнаружила, помимо бутылей с обычным вином Ходжесов, бадягу под названием «Жабье вино». Всего три бутылки, на этикетке которых красовалось грубое изображение жабы

в мясничком фартуке. Когда я, волоча ноги, вышла из лавки, у входа меня уже ждали Арон с приятелями. Они смеялись. Я повернулась и тем же тяжелым шагом пошла назад.

Па чуть не взбесился. Я никогда еще не видела его таким злым. Он чуть не перевернул прилавок, прежде чем отец Арона прибежал утихомиривать его. В конце концов, добрый муж Ходжес не имел к затее Арона и его приятелей никакого отношения.

Па расколотил бутылки вдребезги; полилась зеленая жижа; на минуту я поверила этикетке и решила, что заразила вино какой-то ужасной, отвратительной болезнью. Хуже того: эта зеленая жижа *и есть* я, на виду оказалась сама моя суть. Моя неправильность, которая убила мою мать и должна была убить меня; бог знает, почему этого еще не произошло.

Конечно, я ошибалась. Арон слил раздавленный нами виноград прямо в бутылки, а бутылки запечатал, не отфильтровав жижу и не дав ей превратиться в вино. Просто ради злой шутки.

Ночью я все же набросала песку на то месиво, что осталось на площади, чтобы впредь не видеть его.

Больше я не тратила времени на парней. Я усвоила урок. Может быть, все это было частью проклятия, которое, в моем воображении, наложила на меня смерть матери: меня не полюбит ни один мужчина, кроме Па. И свет, который загорался в глазах Па, когда он смотрел на меня, отныне стал для меня такой же обидной насмешкой, как мое собственное отражение в зеркале.

Глава 3

Я никогда не видела, чтобы волшебным ремеслом владели мужчины; насколько я знаю, никто в деревне такого не видел. Я даже не знала, что мужчины-волшебники существуют. После-то, конечно, все уверенно рассуждали – да, разумеется, среди людей волшебного ремесла есть и мужчины, – но, по-моему, односельчане вдали: они «знали» не лучше меня.

Мы с детства привыкли видеть, как каждые два месяца через нашу деревню проезжают кареты, но в последнее время они зачастили, причем скулы волшебниц становились все выше, а фигуры все соблазнительнее.

Год у нас выдался необыкновенно тяжелым – скот болел больше обычного, урожай оказался скудным; людям хотелось развлечься, так что не думайте, что мы были против дополнительных визитов. В конце концов, волшебницы подарили нашему королевству процветание, и чем чаще они к нам приезжают, тем, значит, скорее дела пойдут на лад.

Когда появлялась очередная карета, на площади начиналась суета. Толпиться или глазеть считалось неприличным, но у людей всегда находилось какое-нибудь неотложное дело, которое требовало, чтобы они стояли посреди площади и глядели в никуда, делая вид, что вспоминают, за чем собрались в лавку.

В день, когда к нам явился первый волшебник, народу столпилось больше обычного, потому что каждая новая карета бывала роскошнее предыдущей, а запыхавшийся парень, который прибежал доложить о прибытии волшебницы, сказал, что эта карета роскошнее всех.

Он не ошибся. Черная карета блестела. Блестела не как от краски, не как темное дерево; это был резкий блеск, какой бывает у камней, – хотя, конечно, карета не была каменной: каменную карету не смогли бы тянуть даже два запряженных в нее великолепных черных тяжело-воза, сколько бы они ни встряхивали гривами и ни выкатывали глаза, сколько бы ни цокали копытами с длинными щетками по булыжной мостовой.

На окнах этой кареты висели черные занавески, расшитые стеклярусом и бусинами, а на колесных нишах и по периметру двери лепились, как лягушачья икра, черные драгоценные камни. Я смотрела на карету, а Па смотрел на меня, как всегда улыбаясь краем рта и подняв бровь.

– Хочешь сбежать туда, Фосс?

– Нет.

– Симпатичная карета.

– Мне и отсюда неплохо видно.

– Иди. Я постою за прилавком. Все равно в лавку никто не придет, пока эта мадам здесь.

Я вытерла руки о передник и развязала тесемки чепчика, потому что и правда любила поглазеть на волшебниц, хотя сама демонстративно вздыхала и закатывала глаза.

Я знала, что каждый раз волшебницы увозят с собой очередную частицу кого-нибудь из нас, но мне все равно нравилось смотреть на них. Люди любят смотреть на красивое, вот и мы любили. В лавке я особой красоты не видела, а уж в зеркале, боги свидетели, не могла обнаружить ни грана красоты.

Я протолкалась сквозь собравшихся и стала смотреть, как на площадь въезжает большой экипаж. Лошади фыркали и громко стучали копытами. Им – волшебницам – не требовался кучер, они каким-то образом правили лошадьми прямо из кареты. Лакеев или слуг при них тоже никогда не было. Они путешествовали в одиночестве.

На площади в тот день не было только доброй жены Тилли, травницы. Ей приходилось хуже, чем прочим: она сидела в лавке, готовясь отпустить волшебницам все, чего бы они ни потребовали. Щепотка этого, кусочек того. На самом деле они не нуждались в травах, травы были лишь предлогом приехать в деревню, и мы делали вид, что чародейки в нашу деревню и правда явились по столь невинному поводу.

Даже травы в последнее время росли скудно, и Тилли радовалась, что участившиеся визиты пополнят ее тощий кошелек. Платили волшебницы хорошо.

Как я и говорила, на площадь сбежалась почти вся деревня, за исключением Тилли. Люди делали вид, что не смотрели, а сами чуть не подсакивали от нетерпения, раздираемые любопытством. Все ждали, когда гостя встряхнет волосами в первый раз, когда покажется точеная лодыжка.

Мы увидели, как кто-то действительно встряхнул волосами, только они были короче и кудрявее обычного и не падали тяжелой волной. Из кареты показалась нога в сапоге – с высоким голенищем черной кожи, блестящей, как мокрый собачий нос; голенище доходило до мускулистого бедра, отнюдь не женского.

Все молчали, но в толпе забормotalи, заворчали: люди поняли, что на этот раз к нам явилась не *волшебница*. К нам явился *волшебник*.

Он встряхнул головой, отбросив назад черные волосы, и мы увидели перед собой то же волшебное лицо, только более угловатое и более резко очерченное: некоторые места выступали, а некоторые западали, но точеные скулы и странные полные света глаза были те же, что и у всех них.

Вновь прибывший, в отличие от дам, не стал с улыбкой оглядывать нас, а, ступая начищенными сапогами по пыльной, замусоренной площади, прошествовал сквозь толпу к лавке Тилли, не говоря ни слова.

Мы, деревенщина, всей толпой в нерешительности топтались на месте, зачарованные и пораженные одновременно. Наконец приезжий вышел из лавки, неся коричневый мешочек с травами, и снова, не говоря ни слова, ни на кого не глядя, вернулся к карете.

Пока его не было, лошади потряхивали головами и рыли землю, как цыплята в поисках съестного, но стоило его сапогу снова коснуться ступеньки, как они тотчас утихли, гордо изогнули шеи и замерли.

Волшебник швырнул попку на сиденье и обернулся – всего один раз, окинув пристальным взглядом серо-голубых глаз всю нашу толпу. Люди стали топтаться на месте, смотреть по сторонам.

А потом волшебник взглянул на меня.

Я поняла, что никто еще не смотрел на меня, не смотрел по-настоящему. Наверное, подумала я, это потому, что люди наперед видели историю моей жизни, прямую, как ухабистый проселок, – именно так я сама видела свою жизнь. Ни мужа, ни детей. И не стоит надеяться, что какой-нибудь ухажер прижмет меня к стене и задерет юбки.

Будь я старухой, чей брачный возраст остался далеко позади, мне было бы проще; но если ты девушка, вокруг которой должны увиваться парни с цветочками и прочей чепухой, – о, это совсем другое.

Но волшебник смотрел на меня. Так, что потребовалось бы новое слово для «смотреть». Не просто взгляд, брошенный в том или ином направлении.

Я могла бы сказать, что в тот момент для меня не существовало никого, кроме нас с ним, могла бы сказать, что звуки утихли, что его взгляд ощущался как нечто реальное и острое, пронзающее насквозь. Все эти слова были бы верными, но не в том смысле, в каком их используют влюбленные.

Когда-то мне в ногу воткнулся огромный шип якорца – эти цветы росли у колодца; шип прошел между двумя косточками и проткнул ногу насквозь; белое острие порозовело от моей крови. На долю секунды, до боли, когда шип проделывал свой путь через мою плоть, мне стало горячо, остро и почти хорошо. Вот что я почувствовала в ту минуту, ощутив на себе взгляд волшебника, почувствовала всем телом, с ног до головы; самые потаенные места моего тела свело тянущей судорогой.

Я отчетливо увидела его лицо – крупный нос-клюв, рот, уголки которого тянулись кверху, раскидистые черные брови, серо-голубые глаза под ними, и кудри, которые то и дело надо было отбрасывать с лица, чтобы открыть резко очерченный подбородок, и длинная шея, белая и гладкая – как у зайцев, которых резал и потрошил в лесу Па.

Когда волшебник скрылся в карете, мне показалось, что из меня выдергивают кишки, как во время месячных кровотечений. Я попыталась устоять на ногах, но шлепнулась на задницу, прямо в лужу, юбки раскинулись вокруг меня огромной уродливой кувшинкой, в центре которой сидела я – лягушка-квакушка.

– Фосс, ты хорошо себя чувствуешь?

Чьи-то руки подняли меня, отряхнули, но платье было уже не спасти. Я что-то пробормотала, растолкала народ и вернулась в лавку.

– Что с тобой стряслось? – спросил Па.

– Упала.

– Иди приведи себя в порядок.

Па спасло от заушины (за то, что указал на очевидное) только то, что меня все еще шатало после Взгляда волшебника.

– Головой ударилась? – спросил Па.

У меня, наверное, был обморочный вид.

– Может быть, – сказала я. – Наверное, мне лучше прилечь.

Па фыркнул в усы, но что ему оставалось, кроме как сказать «ладно»?

Когда я тащилась вверх по лестнице, он крикнул мне в спину:

– Надо же – волшебник! Кто бы мог подумать?

Глава 4

Я лежала в кровати, и тело у меня гудело и спорило, словно улей, полный пчел. Карета укатила. Я слышала, как она гроыхает и постукивает, и мне казалось, что какую-то часть меня волочет за каретой, как на веревке.

Неужели так чувствовали себя мужчины, когда приезжали волшебницы? Может, я поспешила, сведя все их чувства к бугру на ширинке и воспоминаниям о хорошеньком личике, после которых несчастным приходилось вступать в сражение с собой под одеялом?

Наверное, не я одна так мучаюсь, твердила я себе; волшебник наверняка проделал то же самое еще с кем-нибудь из толпы. Так оно и бывает. Просто я единственная из всех шлепнулась на задницу при всем честном народе. И все же руки и ноги покалывало, они жаловались, они жили собственной жизнью! Я лежала неподвижно, но сердце колотилось, как после бега.

Я проспала остаток дня и всю ночь; сны обвивали меня, словно лозы, выдавливали из меня всю волю к борьбе, поэтому проснулась я в жару, вскоченная и разбитая.

Когда я сползла с лестницы, Па присвистнул сквозь зубы:

– Тебя как глодали всю ночь.

– Спасибо, Па.

– Поспала хоть немного?

– Да.

– Ты не заболела? – Он неловко подошел ко мне и потрогал лоб. – Тебя как поджарили.

Хоть на стол подавай.

Заболела. Может, я заболела? Хорошо бы.

– Наверное, я что-то подхватила.

– Тогда тебе лучше не крутиться возле мяса. Отправляйся в постель.

Мысль о ней меня не прельщала. От постели после этой ночи осталось отсыревшее черт знает что; простыня наполовину сползла и тянулась по полу, а подушка насквозь промокла.

– Лучше схожу прогуляюсь. Проветрюсь.

– Ладно. Но потом – в постель, ясно? Я не могу отправить тебя в отпуск. – Па говорил строгим голосом, но я знала, что он шутит. Он любил меня, правда любил. Больше, чем я заслуживала. Я ни на минуту не забывала о том, что мама умерла, рожая меня, и знала, что отец горюет по ней, но меня он не винил. Я понимала, как мне повезло.

– Я ненадолго, Па.

* * *

Площадь уже вернулась к обычной жизни. Никто не стоял, вылупив глаза. Обычная толпа из лоточников и людей: спорят, сплетничают, транжирят время. Я устала в лужу, в которую упала накануне. Кто-то сказал:

– Фосс, с тобой все в порядке?

Передо мной стояла Холли, моя сверстница. И к тому же одна из самых хорошеньких и добросердечных девушек. Она вечно выхаживала птиц со сломанными крыльями или слепых котят; мне она рвалась причинить добро по той же причине. По-моему, будь ее воля, она и меня посадила бы в коробку, унесла домой и дала сосать пропитанную молоком тряпицу.

– В полном, – отозвалась я.

– А мы как раз говорили про волшебника, – сказала Холли.

Рядом с ней стояла стайка других девушек, поголовно хорошеньких, потому что большинство девушек – хорошенькие.

– А-а. – Я постаралась скрыть свой интерес.

– Сегодня никто из нас глаз не сомкнул, – пожаловалась какая-то девушка.

Я подняла голову и посмотрела на нее.

– Дурные сны? Заболела?

Может, не одна я так мучилась.

– Нет. Просто все думала о нем, – вздохнула другая.

– Он такой красивый! – прибавила третья, и тут все они пустились щебетать:

– Он и должен быть красивым. Если он такой же, как те дамы.

– Думаешь, они умеют менять себе лица?

– Как, по-твоему, они вообще люди?

– Мне кажется, они люди вроде нас, – сказала Холли. Как же еще ей могло казаться.

– А ты, Фосс, что думаешь? – спросил кто-то, осторожно приглашая меня к разговору.

– Я думаю, что они привозят беду, – сказала я. – И я бы предпочла, чтобы они возили эту беду не к нам, а куда-нибудь еще.

И я потопала назад, в лавку. Домой.

* * *

Спасения не было. После отъезда волшебника люди не один день говорили о его красоте и великолепии, какие у него таинственные глаза, какой он высокий, вернется ли он, отличается ли он от дам или нет.

Мужчины поняли, каково бывало женщинам после отъезда волшебниц; они ходили сердитые, сдвинув шапки на брови, и пытались утихомирить жен, дочерей и подружек. «Волшебник давно уехал. Может, хватит болтать?» – говорили они женщинам. Но женщины и не думали прекращать разговоры.

Они чахли день ото дня, мысли их бродили где-то далеко. По ночам, лежа в кровати, они вздыхали, а может, ублажали себя под одеялом. Я надеялась, что это может стать средством от хвори, которую обрела из-за волшебника.

Может, если я немного пощекочу себя пальцами, мне станет легче и все забудется... Нет, не помогло. Все равно, что гнать упертого осла через лужу. Я старалась до мозолей на пальцах, мне начало казаться, что я стерла тайное место до мяса, но моя затейница оставалась унылой и бесчувственной, она отказывалась помогать мне.

И что теперь?

Я пошла искать Дэва Песта – ничего другого мне в голову не приходило. До его похищения я не обменялась с ним и десятком слов, а после возвращения он и вовсе замолчал.

У нас считалось неписаным правилом, что девушки и женщины не должны говорить с Дэвом: люди опасались услышать какие-нибудь безнравственные подробности его вынужденного приключения, поэтому я дождалась, когда народу останется немного и некому будет сплетничать и разводить досужие разговоры. Кабак закрывался, и Дэв наладился домой.

Он просиживал вечера в кабаке, за боковым столом, роняя слезы в эль. Никто уже не обращал на Дэва внимания – все привыкли к нему, люди перестали приходить в замешательство в его присутствии. Он сделался одним из городских курьезов, вроде человека, который держал хорьков и выгуливал их на веревках, или сумасшедшей старухи, которая спала со свиньями на ферме доброго мужа Мэрроу.

Па был человек работающий и не имел ни времени, ни склонности к выпивке, так что он давно уже лежал в кровати, когда я выскользнула из дома и отправилась караулить Дэва. Я стояла в темноте, пока он одним из последних не вышел из кабака. Дэв шел, странно волоча ноги, но не из-за опьянения; он словно не мог сориентироваться в деревне, в которой жил с самого рождения.

– Дэв, – позвала я и прибавила: – Господин Пест, – потому что «господин Пест» звучало уважительнее.

Мне понадобилось позвать его несколько раз, прежде чем он остановился и принялся озираться. Взгляд его блуждал.

– Чего тебе? – спросил Дэв. – Что тебе от меня надо? – Он поднял руку, словно прикрывая глаза от солнца, чтобы лучше разглядеть меня, но вышло так, будто он защищается от удара.

– Это я, Фосс Бутчер, – сказала я. – Из мясной лавки.

– А. Фосс.

– Хотела спросить у тебя кое-что. – Я набрала в грудь воздуха. – Про волшебницу.

Пест тихо застонал:

– Я ничего не знаю. Она меня увезла.

– Да, Дэв, я знаю, что она тебя увезла. Я про это и хотела спросить.

– Я ничего не знаю.

– Да, но... Когда она тебя увезла, что ты почувствовал?

Дэв взглянул на меня повнимательнее, словно на самом деле обдумывал мой вопрос.

– Я был счастлив, как никогда в жизни.

– И ты уехал с ней в столицу, да?

Глаза Дэва снова стали пустыми.

– Дэв, не нужно рассказывать мне все. Просто... – Я поколебалась. – Вчера приезжал волшебник, и мне кажется, со мной что-то произошло. Я... ну, странно себя чувствую. По-моему, он что-то со мной сделал. По-моему, мне надо найти его.

– Нет. – Дэв ожесточенно затряс головой и схватил меня за запястья; костлявые руки оказались неожиданно сильными. – Нет, нет, нет. И думать забудь.

– Я должна что-то сделать. – Я вывернулась из его хватки. – Я как будто заболела. Как будто он наслал на меня болезнь, и только он может меня излечить.

– Не надо, – сказал Дэв. – Хуже будет.

Он взял мою ладонь и приложил себе к груди. Я поджала пальцы: прикасаться к нему не хотелось. От Дэва пахло потом, в котором чувствовалась рыба; а может, он столько лет таскал рыбу, что рыбий жир теперь просто сочился из его пор.

– Она его забрала, – прошептал Дэв и приложил палец к губам, словно требуя от меня молчания. – Не знаю, где она его держит, но уверен: мое сердце еще живо, потому что жив я сам. Но мне недолго осталось. Недолго.

Я вырвала руку:

– Но ты же здесь, Дэв, ты вернулся домой. Ты сбежал от нее.

– Не сбежал. – Дэв стал озираться пустыми глазами, словно забыв обо мне. Я вытерла руку о платье; те места, к которым он прикасался, покрылись гусиной кожей.

Придя домой, я снова рухнула на кровать; мне казалось, что я смогу проспать целый год. Я провалилась в очередной темный сон, от которого было тесно в груди, и по туннелям этой черной черноты добралась до утра. На следующий день я снова увидела Дэва – из окна. Я окликнула его, но он не отозвался.

Я вернулась в лавку, потому что мы с отцом не могли себе позволить дать мне еще один выходной. Однако путанные, удушающие сны продолжали мучить меня каждую ночь, и я выглядела так, будто какая-то пиявка высосала из меня все краски.

Па встревожился и скупил у доброй жены Тилли все чаи и травы, которые могли бы меня излечить, но ничего не помогло. Да я и не помню, что там было, в этих снах. Ни образов, ни событий. Помню только, что меня как будто замотали в пеленки, словно младенца, да еще это чувство удушья.

А еще я все время думала о волшебнике. И ненавидела себя за это. А ведь я, в отличие от других, даже не впала в идиотское состояние, не бредила о его волосах, глазах и мускулистых ногах. Я возмущалась, я злилась на него за то, что он сделал со мной, – и все же думала о нем.

Я все еще ощущала эти судорожные подергивания, хоть и слабее, чем в первый день. Мне представлялось, что волшебник сидит на большом черном троне и тянет за невидимую веревку, которой каким-то образом обвязал мои внутренности. Блестящую черную веревку, изготовленную из того же твердого как камень материала, что и его карета.

* * *

– Фосс, у тебя нездоровый вид, – сказал Па, когда после визита волшебника прошло уже несколько недель.

С тех пор мы не видели ни одного экипажа, что было довольно странно: в том году кареты появлялись у нас чуть ли не каждую неделю.

Возбуждение, вызванное визитом волшебника, улеглось, и люди снова сосредоточились на скудости урожая и странных болезнях скотины.

Калли-простак потерял трех новорожденных ягнят – дело почти неслыханное и потому ставшее предметом вечерних разговоров в кабаке. Не будь мои мысли настолько заняты волшебником, я бы встревожилась: не всплывут ли в памяти односельчан обстоятельства моего рождения, – но в тот момент мне было все равно.

– Знаю, – сказала я.

– Тебе все еще неможется?

– Все еще.

– Даже хуже стало?

Да, мне стало хуже. Я чувствовала себя нездоровой – и при этом мной владело возбуждение, беспокойство, хотелось то ли пуститься неуклюже бежать, то ли лягать свисавшие с крюков туши; хотелось делать что угодно, лишь бы избавиться от копившейся в ногах темной неистойвой энергии.

– Ума не приложу, что делать.

– Па, я же не умираю, – сказала я, хотя, признаться, без особой уверенности. Я не знала, что чувствуешь, когда умираешь, но если тебе кажется, что ты в любой момент можешь упасть и не встать, если изнутри тебя переворачивает на жидкое черное месиво, то я не исключала, что умираю.

Такие мысли только усиливали мое беспокойство. Я отвратительно себя чувствовала, но при этом мне казалось, что я могу пробежать, не останавливаясь, тысячу миль¹. Если только я побегу по направлению к *нему*.

Наверное, это было неизбежно. Может случиться, именно так все эти волшебницы и волшебники обретали власть над людьми – заражали их, а потом уезжали, заставляя людей бежать за ними – как утята за уткой. Они даже не удосуживались хотя бы из вежливости схватить свою добычу и бросить ее в карету, как старину Дэва.

Раньше я думала, что сердце в обмен на процветание и мир – цена небольшая, но все становится совершенно иначе, если это *твое собственное сердце*.

Хотелось бы мне сказать, что я о многом передумала, вертела мысли в голове так и сяк, но это неправда. Я просто достигла точки, оставаться в которой было невозможно, как невозможно спокойно стоять в костре. И я поняла: надо идти.

Собираясь в дорогу, я тихо сквернословила. Меньше всего мне хотелось бросать Па в беде и отправляться в город, которого я никогда не видела, на поиски человека, которого ненавижу, человека, который пребывает бог знает где – и все-таки дергает и тащит меня, как крестьянин тащит свой большой тяжелый плуг.

Некоторое утешение мне доставляла мысль о том, что волшебник не получит того, за чем явился. Ему бы, наверное, хотелось поймать в свои сети какую-нибудь хорошенькую девицу, какую-нибудь Холли, но нет: его взгляд упал на меня – и вот она я, готовлюсь одолеть все королевство, чтобы отыскать его. *Вот она я, Ваша Светлость*.

Я воображала, какое у волшебника делается лицо, когда он увидит, сколь благоуханное сердце добыл, и испытывала некоторое удовлетворение.

* * *

Я никому не сказала, что ухожу. Мне было стыдно признаться в этом даже себе. Па я оставила записку на разделочном столе: написала, что мне надо в город на несколько дней. Хотелось написать что-нибудь еще, но я не придумала, что сказать, как объяснить свой поступок.

Записка вышла небрежной и скупой, но оставила ее как есть; я надеялась, что быстро приведу себя в чувство и сразу вернусь. Но один раз я все-таки заглянула в его комнату. Па лежал в постели гора горой и свистел носом.

Я ухожу ненадолго, он и один управится в лавке. А если вдруг окажется, что волшебник, похитив сердце, нанес мне фатальную рану, если окажется, что меня перемололи в фарш или высосали мне душу, как мозг из кости, – Па найдет в деревне другую девицу, которая заменит меня в лавке.

А может, нет худа без добра. Если Па не надо будет тревожиться за меня, у него появится шанс на новую жизнь; может, он даже снова женится. Он еще не стар, у него могут быть и другие дети, рождение которых будет не столь ужасно, как мое. Дети, не обреченные стариться в его доме, превращаясь в злобную каргу.

Я старалась не думать, больно ли ему будет, когда он обнаружит, что я ушла.

¹ 1 миля = около 1609 м.

Глава 5

В ту ночь я за несколько часов сумела уйти от деревни достаточно далеко. Утром я не наткнулась ни на кого из знакомых и была избавлена от необходимости объяснять, что это взбрело мне в голову.

Первая же телега, которой я замахала, остановилась, и мужик, правивший лошадьми, даже помог мне влезть в набитую сеном повозку. Я скормила ему историю о заболевшей тетушке, ухаживать за которой меня отправили родственники.

Не знаю, поверил мне этот человек или нет, но он сжалился надо мной и пообещал довести до города и даже до самого дома моей несуществующей тетки. Я объяснила, что точного адреса не знаю, мне велели поспрашивать на месте, и тут возница взглянул на меня с несколько странным выражением.

Я уже забыла, и какое это большое место – город, и каких трудов может стоить найти в городской толчее нужного человека – не то что в нашей деревне, где достаточно ухватить за шиворот первую же старуху, чтобы она выложила тебе все, что делается в этом проклятом месте.

Возница явно решил не вдаваться в расспросы. Я поняла это по быстрому взгляду, которым он окинул мой живот. Возница решил, что я «с начинкой», с деревенскими девушками такое случается, и бегу из родных мест, чтобы не навлечь позора на свою семью. Люди пускаются в путь, только если их, как его самого, гонит в дорогу необходимость доставлять товары или еще какая-нибудь крайняя нужда.

– Да ведь я не прямо в город еду, – сказал возница. – Мне сначала надо заехать кое-куда. Ты меня остановила на пути в одну из приграничных деревень. Может, хочешь подождать, найти еще кого?

Но я не могла ждать. Мне надо было двигаться дальше, чтобы муть в желудке и мозгах успокоилась.

– На сколько мы задержимся? – спросила я.

Возница пожал плечами:

– Самое долгое – на день.

Мне никогда еще не случалось бывать в деревнях, расположенных на границе. О них ходили странные слухи. Рассказывали, что сюда, поближе к границам королевства, перебирались жить изгои и странные типы, которые безвозвратно опорочили себя в родных местах; у этих людей могли иметься и другие причины сменить удобную жизнь в центре страны на жизнь в приграничных поселениях, отсталых и бедных.

Не знаю точно, почему границы королевства притягивали бродяг, да и никто, кажется, не знал, но все сходились на том, что отправляться туда без крайней надобности не стоит, а

если уж отправился, то имей при себе крепкую палку, которой будешь отбиваться от подозрительных типов.

Возницы вроде моего, однако, процветали, доставляя в эти деревни разные товары: в приграничье по какой-то причине мало что произрастало. Почва, что ли, там была неплодородная. Виденные мною люди, уроженцы этих мест, тоже были хилые и тощие. Наверное, там вообще мало что росло хорошо.

Ходили и другие слухи – о неких темных силах, затаившихся у границ нашего королевства, но я не слишком верила этим рассказам. Мне так нужно было отыскать того волшебника, что я предпочла бы добираться до города окольными путями, но с этим возницей, чем вообще не найти попутчика, который показался бы мне заслуживающим доверия.

Возница был человеком хмурым, но приличным, и у меня не было причин считать его опасным. К тому же он, если что, защитит меня. Далеко не каждого встречного я могла бы счесть надежным человеком, а положение было не настолько отчаянным, чтобы я решилась на ненужные риски. Пока еще не настолько.

* * *

По мере того как мы окольными тряскими дорогами подбирались к границе, деревни становились все грязнее и беднее. Я смотрела на них с интересом, поскольку до сих пор не выбиралась за пределы родной деревни. Дома из кирпича, скрепленного строительным раствором, сменялись домами из полусгнивших досок, а вместо дорог, вымощенных булыжником, потянулся грязный проселок в рытвинах.

Вдоль дороги тянулись поля с побуревшими злаками и паслись костлявые большеглазые коровы. Исхудавшие дети бежали за нашей телегой с протянутой рукой, выпрашивая монетку или конфету, но мне нечего было им дать.

Мы проезжали эти деревни не задерживаясь, пока не оказались наконец на границе королевства, в полных десяти часах езды от дома; возница остановил телегу возле облезлой таверны.

Я никак не могла взять в толк, почему деревня выглядит так странно. Да, она, подобно большинству приграничных селений, была неряшливой и нищенской, но странными были сами постройки, их углы и общий вид. Казалось, дома сейчас то ли убегут, то ли зарычат, как блохастые бездомные собаки, которых слишком часто пинали.

Возница прочистил горло. Он так редко что-то говорил, что я тут же наострила уши.

– На ночь я здесь не останусь, – объявил возница. – Отправляемся сразу после ужина. Поспать можешь в телеге.

Меня ждет ночь на сене после того, как я весь этот чертов день просидела на сене. Вот счастье-то. Но пару монет мне такой ночлег сэкономит.

– Мы что, запаздываем? – спросила я.

– Нет. – Возница потер нос. – Не люблю ночевать здесь, вот и все. Всегда проезжаю не задерживаясь.

– А почему вы не любите здесь останавливаться? – Я осмелела: в первый раз за всю дорогу он так разговаривался.

– Не люблю, и все. И никто не любит.

Возница явно окончил беседу, так что я тоже затихла. Зато в благодарность за то, что подвез, помогла ему выгрузить несколько ящиков с овощами. Возница, похоже, приятно удивился тому, насколько мои руки сильные.

Я спросила, есть ли у меня время размяться, и он кивнул, но велел вернуться в течение часа: он намеревался свернуть торговлю как можно скорее.

Деревня пугала, и мне не хотелось забредать слишком далеко. Я быстро обошла вокруг таверны, просто чтобы проветрить мозги, и, отдуваясь, присела на деревянный ящик.

Я убедилась, что телегу хорошо видно – на случай, если со мной случится беда. Не знаю, каких бед я себе навоображала, но от всей этой деревни просто несло опасностью, неопределенной и потому особенно тревожащей.

Со всех сторон меня окружали окна домов; свет заходящего солнца отражался от них странным, бессвязным образом, и ряд окон походил на улыбку, в которой недостает зубов. Немногочисленные прохожие шли, опустив головы и сосредоточенно разглядывая собственные башмаки. Меня пробирала дрожь.

Выругав себя за ребяческие страхи, я встала и как можно увереннее зашагала вперед. Мне надо размять ноги – впереди неприятная ночь в переполненной телеге, где я буду зажата между жесткими ящиками и колючим сеном. И какой бы скверной ни казалась мне эта деревня, если я сейчас упущу возможность размять ноги, то потом пожалею.

Я обнаружила, что тихонько насвистываю – не столько для удовольствия, сколько из-за желания слышать хоть какие-то звуки, и пошла между постройками, придерживаясь главной дороги и освещенных мест.

Внезапно я оказалась на окраине деревни. Обычно дома сходят на нет от центра к окрестности, становятся все меньше, отстоят друг от друга все дальше и наконец исчезают в полях.

Но эта деревня просто... закончилась. Даже дорога истоцилась, оборвалась сразу за тенью последнего дома. Зазоры между несколькими последними булыжниками щедро поросли одуванчиками. В грязи, все еще тускло освещенной последним газовым фонарем, не отпечатались ни колеса, ни копыта.

Тут я сообразила, что в этой деревне исключительно много газовых фонарей для такого бедного, даже нищего места, а дороги здесь освещены лучше, чем в моей родной деревне. Как будто здешние жители боятся темноты.

Я вгляделась в сгущающийся мрак, где самым ужасным были поля и силуэты коров, но по покалыванию в затылке поняла: дальше ходить не стоит. Прищурившись, я разглядела на горизонте густой, закручивающийся воронкой туман, бледный на фоне темноты. Казалось, что сила волшебниц не дотягивается до этих глухих мест.

Хорошо, что мы уезжаем отсюда.

* * *

После этого мы каждую ночь останавливались, чтобы дать отдых лошадям и себе. У меня было немного монет, и на ночь я снимала комнату в самой недорогой гостинице, какую только могла найти, – тускло освещенную и дурно пахнущую, где на меня со стен взирали портреты короля, исполненные с разной степенью искусности.

Возница, я уверена, ночевал в каком-нибудь месте получше, но где – я не знала. В конце каждого дня он помогал мне слезть с телеги, отряхивал руки от сена и, громко топая, уходил, предоставляя мне идти куда вздумается.

Каждое утро я в панике просыпалась, наскоро плескала себе в лицо водой и мчалась к телеге, боясь, что он уехал без меня. Но возница всегда дожидался. Всегда помогал забраться в телегу – ворчливый, но вежливый. Все могло быть куда хуже.

Вечером четвертого дня возница крикнул через плечо, что мы почти на месте: потянулась последняя перед городом деревня. Горячий восторг, однако, дался мне с трудом: я отнюдь не мечтала каждое утро просыпаться на ворохе сена, а такими пробуждениями теперь была сыта по горло.

Мои волосы превратились в рыжее воронье гнездо, тысячи иголок сена оставили на коже красные точки, словно за ночь меня обметало еще одной тысячей веснушек.

И все же, несмотря ни на что, я ощутила укол чего-то вроде предвкушения. Это же, как ни крути, город! Я и не надеялась, что увидаю его. Я извернулась и приподнялась, чтобы разглядеть что-нибудь через голову возницы, но городские виды оказались ограничены его ушами и клочками волос, торчавшими по обе стороны лысой макушки, что несколько смазывало величие картины.

Я увидела желтые каменные стены, перед которыми раскинулись палатки и рыночные прилавки. Стены были такими высокими, что, не стой город на холме, я бы ничего не увидела.

Город, однако, поднимался, словно тулья шляпы с широкими плоскими полями; разноцветные крыши и торчащие каминные трубы тянулись по склону до самого замка, угнездившегося на самом верху; замок напоминал поставленную на попа перевязанную свиную отбивную.

Как только мы нашли место, где можно было остановить телегу и распрячь лошадь, возница, как обычно, предоставил меня самой себе. Деньги у меня почти кончились – я еле наскребла на ночлег и стол. Пусть уж волшебник или сразу вырвет мне сердце, чтобы избавить от трудностей с ночлегом и пропитанием, или приютит на пару ночей.

Одно хорошо: чем ближе я была к городу, тем тише становилась боль. Она постепенно отступала, как жестокая простуда: теперь мне и думалось яснее, и дышалось свободнее. Потягивание в кишках, которое временами ощущалось как настоятельная потребность сбегать в отхожее место, ослабло, однако я была все ближе к цели, и от волнения в животе урчало и ворчало, словно желудок требовал основательный кусок мяса на обед.

Я никогда еще не видела столь процветающей деревни, как эта, последняя, да и чему удивляться, если она так близко к городу. Люди здесь были приветливыми, с открытыми лицами и явно не голодали. Мы нашли кабак. Купив миску серого, жирного бульона и кружку подогретого эля, я села подальше от возницы – с тех пор как я выбралась из его телеги, он старался не иметь со мной дела, и я его не виню – и стала слушать.

Одно из преимуществ затрапезного облика – это возможность оставаться невидимкой там, где хорошенькая женщина обязательно привлекла бы к себе внимание.

– Паршивые времена, – говорил какой-то тип с заросшим подбородком.

Я стала разглядывать свой суп, который был немногим гуще грязной водицы, с каплей масла на поверхности; казалось, суп служил доказательством словам парня. Посреди тарелки, как поплавок, торчала одинокая луковка.

– И еще хуже будет, – предсказал его приятель, совершенно лысый, если не считать нескольких зализанных через макушку прядей.

– Это потому, что покупать стали меньше, – объяснил первый и мотнул головой в сторону города. – По-моему, – он подался вперед, но, как у большинства пьяных, шепот у него выходил громче обычного голоса, – по-моему, все из-за того, что Они теперь делают все необходимое сами, им даже из города выходить не нужно.

Слово «Они» он как будто произнес с заглавной буквы.

– Волшебные делатели?

Я замерла и наострила уши. Мы, конечно, называли их по-разному, но он наверняка говорил о волшебницах. И о моем волшебнике.

– А кто же еще? – ответил вопросом на вопрос бородатый.

– Не понимаю, как у них это получается, – проговорил другой и со свистом втянул воздух сквозь оставшиеся зубы. – Никогда не слыхал, чтобы они сотворили что-то съедобное. Только всякие снадобья, заговоры и ядовитые зелья. А это для благодородных. Они покупали у нас провизию сотни лет, а то и больше.

– Ну и как ты это объяснишь? У меня три тачки персиков сгнили: мы, мол, раньше их всегда покупали, но более не нуждаемся. Письменно известили, ни больше ни меньше. Не удосужились даже сказать мне это в лицо. А я двенадцать лет их кормил!

В разговор вмешался мужчина с копной светлых волос, сидевший за соседним столом:

– Пастернак! Репа!

Я подумала было, что жители этой деревни ругаются таким странным образом, но светловолосый продолжил:

– Кормовая свекла! Морковь! Ничего теперь не надо. Я их держал, чтобы продать в город, как обычно, да так и не дождался заказа. А теперь овощи стали жесткими, как подошва, да и пахнут не лучше.

Кто бы мог подумать, что все эти надменные волшебницы – да и мой волшебник – могут интересоваться чем-то столь обыденным, как овощи и фрукты? Трудно представить, чтобы они нюхали персики, как домохозяйки, или перебирали яблоки, чтобы проверить, нет ли гнилых бочков. Зачем таким могущественным созданиям самим хлопотать о хлебе насущном? У них ведь наверняка есть слуги, которым можно поручить закупку провизии?

– Говорю вам, – продолжал первый, – они теперь творят еду сами. Сами что-то стряпают. Эти... *женщины*.

Последовала минута всеобщего отвращения и вожделения: каждый подумал об *этих женщинах*. Я хлебала суп.

– Я уже которую неделю никого из них не вижу, – продолжал бородатый.

– Потому что мы им больше не нужны.

– Мы всегда будем нужны им. – Бородатый понизил голос. – *Из-за сердец*.

Мне показалось, что в кабаке стало темнее, из углов поползли тени; мужчины со скрежетом придвинулись к столу и заговорили приглушенными голосами.

– Они добывают сердца в других деревнях, – начал лысый. – Нас не тревожат.

– Раньше не тревожили, – заметил светловолосый за соседним столом. – Потому что мы их кормили. Но теперь, – он отхлебнул эля, – теперь, видно, наши овощи им больше не нужны. Или скоро станут не нужны.

– Это нет. – Первый, судя по голосу, слегка протрезвел. – Сто лет назад мы заключили с ними соглашение. Даже больше, чем сто лет. Мне прадед рассказывал, когда я у него на коленях сидел. Они не станут забирать у нас сердца, потому что мы их кормим. И у горожан они тоже сердца не забирают.

– Надолго ли? – спросил лысый. – Им всего-то и нужно, что подписать еще один клочок бумаги. Тут нам и конец.

– Может, им и кроме сердец что-нибудь понадобится, – предположил светловолосый – правда, без особой надежды.

Я ощутила тянущее чувство под собственным сердцем, словно оно напоминало мне о цели моего путешествия. Я встала и подошла к мужчинам, не обращая внимания на их явное смущение, на беспокойные взгляды, которые они бросали друг на друга. Им повезло: у меня и в мыслях не было делать им непристойные предложения.

– Я слышала, о чем вы говорили. А я нездешняя. Вы говорили о волшебных делателях.

– Нет, не говорили, – машинально отперся бородатый.

– Говорили-говорили. Сказали, что они обычно заказывали у вас овощи и прочую провизию...

Лысый покорился неизбежному, пожав плечами, словно говоря товарищам: «Какая разница?»

– Ну да, – признался он.

Напряжение спало. Позы стали расслабленнее; собравшиеся облизали губы, готовясь выговориться.

– Мы выращивали овощи, фрукты, хлеб, – сказал бородач, который и начал этот разговор. – Мы живем в деревне недалеко отсюда. В городе не производят ничего, кроме роскошных нарядов и всяких бед.

– Лет сто или больше назад кто-то подписал договор о том, что они не станут забирать у нас ничего без крайней нужды, если мы станем кормить город, – прибавил лысый.

– И было неплохо, – заметил бородатый.

– Эти дамы приезжали сами? За овощами и фруктами? – спросила я.

Бородатый фыркнул:

– Нет, конечно. Слуг присылали.

И они посмотрели на меня как на деревенскую дуру.

– Ты откуда? – спросил бородатый.

Я назвала свою деревню.

– У меня тетка из тех краев, – сказал бородатый. – Там, далеко от центра, все не так. Ваша деревня близко к границе.

– Не так уж и близко. – Я припомнила жуткую приграничную деревню, в которую попала несколько ночей назад. – И волшебницы ничего у нас не покупают. Только травы у одной доброй жены. Они приезжают, только чтобы...

– *Собрать урожай*, – закончил лысый.

Все трое переглянулись.

– Они приезжали к вам за одним, а к нам – за другим. Они редко... *брали*... у здешних. Таковы условия сделки. Они берут в основном из приграничных мест.

Может, поэтому та деревня показалась мне такой опасной? Я слышала, что чем ближе к городу, тем безопаснее. Теперь я начала понимать почему.

– Для них это все равно что срать на собственном крыльце, – заметил человек за соседним столом.

– Йозеф! Не в присутствии... – бородатый с сомнением глянул на меня, – дамы.

– Что-то как пить дать происходит. – Бородатый все больше распалялся. Наверное, этому способствовал эль, уровень которого в кружке медленно понижался. – От нас что-то скрывают. Мы их кормим, сколько себя помним, а теперь вдруг не надо стало? Нет, что-то меняется.

Что-то уже изменилось. В последние несколько месяцев волшебницы приезжали в нашу деревню куда чаще, чем раньше. А потом произошла самая удивительная перемена.

– А вы когда-нибудь видели... – я поколебалась, – чтобы волшебным делателем был мужчина?

Все трое подняли брови и надули губы.

– Таких не бывает, – объявил Йозеф, и остальные покивали.

– Никогда не слышал, – подтвердил лысый.

– А если такой и найдется, – сказал бородатый, – то вот вам еще одна странность. Да, что-то не так. – И он откинулся на спинку стула; дерево зловеще закрипело.

– Я кое-что слышала. Вы сказали, они отказываются от уже заказанных овощей. Разве это не значит, что они хотят *собрать урожай* и здесь?

Все трое вздрогнули.

– Бабушка говорила, они не по правде вынимают сердце из груди, – сказал Йозеф. – Это вроде как митахвора.

Мы уставились на него.

– Богатое слово, – одобрил лысый.

– И что оно значит на человеческом языке? – спросил бородатый.

– Это когда одно похоже на другое. – Йозеф, кажется, смутился. – У тебя забирают часть тебя, но мы говорим, что забирают сердце, потому что не знаем, как еще это назвать.

– Ерунду несешь, – сказал лысый. – Они вырывают сердце из груди, понял? Кровь и все дела. Мне бабушка рассказывала.

– Я слышал, им даже не обязательно тебя забирать, – не сдавался Йозеф. – Они вроде как могут просто позвать тебя. Посмотрят на тебя разок – и сам прибежишь.

Маслянистый суп запросился из меня обратно.

– И что тогда? – спросила я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

– Да кто ж знает, – ответил Йозеф.

Прекрасно. Я почти в городе и до сих пор не понимаю, что со мной сотворили. И что со мной будет дальше.

– Ну а ты? – Йозеф хлебнул уже достаточно и теперь начал строить мне глазки. – Что тебя сюда привело?

– Я проездом, – сказала я и отвернулась, пока ему в голову не пришла мысль поинтереснее.

В миске у меня еще оставалось немного баланды, но после этого разговора я не могла заставить себя доесть ее, поэтому вышла глотнуть пропахшего навозом ночного воздуха и собраться с духом. Надо было обдумать услышанное.

Я понятия не имела ни о каких договоренностях насчет овощей и фруктов; теперь я о них знала, и во мне вместе с супом закипел гнев.

Значит, не все должны были жертвовать сердца волшебницам? Значит, такая судьба уготована только моим односельчанам и им подобным? А рядом с городом крестьяне выращивали репу и знать не знали об этом ползучем страхе, который не становился меньше оттого, что не имел отчетливых очертаний?

Тут мне в голову пришла еще одна мысль, от которой у меня скрутило живот: мы, сидевшие по приграничным деревням, и *были* репой. Не более чем овощами, которые следовало собрать – или выбросить, в зависимости от того, что сочтут нужным городские жители.

Глава 6

Возница высадил меня прямо у городских ворот. Стражники в шлемах с плюмажами и в заляпанных грязью сапогах велели нам проходить. Пуговицы на их мундирах сверкали, как пятаки.

Поначалу я взирала на богато украшенную каменную кладку с подошвы холма, и она казалась мне невиданным великолепием, однако вот наша телега с грохотом проехала под аркой ворот, и я увидела навозные кучи и узкие улочки; дома клонились друг к другу, словно желавшие посплетничать соседки. Все мои восторги испарились довольно быстро.

Возница обошел телегу, чтобы помочь мне спуститься, и я по-лягушачьи спрыгнула на землю. Я снова залопотала о заболевшей тетушке, хотя к этому времени уже знала, что возница в нее не верит. Он пристально посмотрел мне в лицо из-под нависших бровей, но ни о чем не спросил. Да и какое ему было дело, сбежала ли я или влипла в скверную историю? «Ты там поосторожнее», – сказал он, и на этом все.

Я еще добрый час стряхивала с одежды приставшие сухие былинки.

Город. Город оказался вовсе не таким пугающим, как я себе представляла, но не потому, что не был громадным, шумным и вонючим, – он был и громадным, и шумным, и вонючим; он оказался столь огромен, что я стала почти невидимой. Никто не удостаивал меня и взгляда.

Я пошла вверх по холму – другой дороги я не видела, – на ходу расчесывая сыпь, оставшуюся на руках и ногах после сена и внимательно оглядывая место, в котором оказалась. В городе, по слухам, полно карманников и убийц, но в карманах у меня ничего не было, а собственную смерть я, если честно, приняла бы в то время с облегчением, так что не слишком тревожилась.

Сначала я оказалась на окраине, где явно жили люди победнее. Все дороги тянулись вверх, и если прищуриться, то можно было разглядеть далековерху зелень и белые стены. Король жил в замке на вершине холма, а все остальные размещались ниже, серпантинном, в правильном порядке: знать и волшебницы, купцы и беднота, вплоть до нищих, которые ютились под городскими стенами.

По мере того как я взбиралась вверх, вонь сменялась ароматом фруктов, которые росли на деревьях вдоль улиц, и цветов, которые вились по каждой стене, – яркие, крупные, со множеством лепестков, они походили на женщин, надевших все лучшее сразу.

Я поднималась в гору, уставшие ноги чуть не отваливались, но веревка, захлестнутая под ребра, волокла меня вперед, словно меня тащил за руку малыш, желавший показать любимую игрушку. И чем ближе мы подходили, тем сильнее меня тянуло. Я запыхалась, отчего идти было еще тяжелее.

На полпути – там, где стояли опрятные, но маленькие дома – мне попалась мощенная камнем рыночная площадь. Я не присматривалась, что там продают, мне слишком хотелось найти волшебника, но здесь точно было больше оборок, рюшек и блесток, чем на нашем рынке. В провизии недостатка тоже как будто не было, так что я усомнилась в том, что услышала в кабаке насчет волшебных делателей и их отказа покупать провизию у крестьян.

Человек, сидевший за столом, заваленным свитками и листами бумаги и снабженным табличкой «Здесь Пишут и Читают Письма», пристально взглянул на меня поверх очков в проволочной оправе. Подойти к нему я не успела: движение, возникшее посреди площади, мгновенно обратило все в хаос. Толпа сгрудилась в центре, привлекая все новых и новых людей, желавших принять участие в разыгравшейся драме.

Как выяснилось, люди везде одинаковы: готовы отложить любые дела, лишь бы посулдатить. Мне хотелось отдохнуть. Я привалилась к пересохшему каменному фонтану и стала смотреть представление.

Из толпы доносились шарканье и кряхтение. Людская масса на мгновение раздалась, и я увидела, что посредине дерутся двое мужчин. Вцепившись друг другу в плечи, каждый мерил другого взглядом; они покраснелись и пыхтели, желая освободиться от хватки противника. Соперники были похожи на двух влюбленных, обнявшихся в танце.

Кто-то из зрителей подначивал их, кто-то умолял прекратить. Такие драмы разыгрываются у любого кабака в любой день недели. Во всяком случае, мне так казалось.

– Уки-очь! – неразборчиво выговорил опухшими губами один из дерущихся. Наверное, успел словить пару ударов.

– Аддай! – упрямылся второй.

Я с интересом присмотрелась: сражение происходило из-за какого-то мелкого предмета. Один из мужиков крепко прижимал кулак к боку, не желая выпускать трофей, какой именно – я не могла разглядеть. Вокруг, загораживая мне обзор, теснилась толпа.

– Не твое! – сказал первый голосом ребенка, у которого отняли любимую игрушку.

Они снова сцепились, толпа вокруг них зашумела, и тут из руки второго что-то выпало и, подпрыгивая, покатилося по булыжникам. Предмет подкатился прямо к моим ногам, словно в поисках единственного спокойного места в этом хаосе. Мне показалось, что он покачивает головой, словно говоря: «Подумайте, какая неразбериха!»

Никто, кажется, не заметил, что объект всей этой суеты сбежал. Толпа подначивала драчунов, как на боксерском поединке. Я нагнулась и подняла предмет.

Он оказался сохшимся, как персиковая косточка, и примерно того же размера, но мягче и каким-то бесформенным. Явно маринованный или высушенный. Может, какой-то консервированный плод? Я никак не могла понять, что он мне напоминает. Когда я сжала его между пальцами, он легко смялся, а расправившись, исторг из себя облачко сухой пыли.

Я не могла взять в толк, что в нем такого важного. Никто не заметил, что предмет исчез. Но если из-за него затеяли уличную драку, то, может, я смогу сменить его на что-нибудь, что-нибудь за него выпросить или даже пустить на подкуп. Я сунула добычу в карман юбки и оглянулась. Драка посреди площади и не думала утихать.

Мне почти хотелось остаться и посмотреть, что они станут делать, когда обнаружат, что драгоценный трофей исчез, но стремление найти волшебника тянуло дальше, вверх по холму, по серпантину улиц.

Я забралась уже довольно высоко, но мне предстояло забраться еще выше. Дома в этой части города были белоснежными, со стеклами в окнах; сквозь ворота кованого чугуна я видела сады или выложенные плиткой площадки. Эти дома сменились более внушительными строениями, каменными, с воротами в два человеческих роста; увидеть, что находится за стенами, не было никакой возможности. Наверное, там хранилось нечто столь ценное, что дома сомкнулись вокруг них, стали неприступными, неприветливыми.

Я ожидала, что чем ближе к дворцу, тем величественнее и выше будут становиться дома, но они становились не только величественнее и выше – они становились все более причудливыми. Камень, покрытый белоснежной штукатуркой, сменили незнакомые мне диковинные материалы и странные цвета.

Один дом, казалось, был весь из зеркал; другой – из гладкого, матово мерцавшего зеленого камня. Один, из витражного стекла, был весь расписан птичками и листьями; другой излучал перламутровое сияние, а когда я решилась прикоснуться к стене, она поддалась под моими пальцами, словно тонкая шкурка спелой сливы. Передо мной явно какие-то волшебные материалы, а значит, я все ближе к цели.

Добравшись до дома волшебника, я сразу поняла: это он. Дом был возведен из того же черного блестящего и гладкого как стекло материала, что и карета. Когда я провела рукой по стене, на черном не осталось ни одного сального отпечатка, хотя руки у меня были грязными и липкими от пота.

Что ж. Я на месте. Я на минутку присела отдышаться, съехав спиной по сверкающей стене. Прохожих здесь было немного, все шли торопливым шагом, не особенно глядя по сторонам, а уж на какую-то грязную девку и подавно, так что я отдохнула, ничего не опасаясь. Я, надо сказать, гордилась собой – добралась до города сама, а ведь подобное путешествие предпринимали очень немногие из моих односельчан.

Наконец я пришла в себя, поднялась и пошла вдоль сияющей черноты к тому, что показалось мне калиткой. Она была устроена встык со стеной – ни ручки, ни молотка; на то, что здесь есть калитка, указывала лишь тонкая линия, которая очерчивала контур.

Я бы, наверное, даже не заметила входа, если бы не насланные на меня чары, буквально вскипевшие во мне от нетерпеливого желания проникнуть внутрь. Я уже приготовилась ссадить костяшки о дверь, но при моем приближении она беззвучно приоткрылась сама – ровно настолько, чтобы я смогла протиснуться внутрь.

Дверь, как оказалось, была в добрых три фута² толщиной, все из того же безликого черного камня. Я двинулась дальше в какое-то открытое пространство. Передо мной была еще одна дверь, и она вела в дом.

Волшебник страдал то ли чрезмерной любовью к черному, то ли недостатком воображения, то ли и тем и другим, потому что все здесь было черное: и плитки двора, и фонтаны (хотя вода все же обычная), и сам дом с величественной входной дверью.

Там и сям он воткнул темные драгоценные камни – не могли они удержаться от блестящего, эти волшебные делатели, – но в основном здесь царил безлика, гладкая, удушающая чернота.

Несмотря на блеск, чернота эта не обладала отражающими свойствами: нагнувшись, я не смогла увидеть в черных зеркальных плитках ни своего лица, ни даже тени. Плитки каким-то образом светились изнутри. Ну и хорошо, иначе руки сотрешь, надраивая их.

От всего этого несло волшебством – волшебством солидным, отполированным до роскошного глянца, – и мне пришло в голову, что волшебник придумал этот камень, чтобы выглядеть более мрачным и впечатляющим. Что ж, ему это удалось – во всяком случае, со мной.

Я обнаружила, что чуть ли не на цыпочках крадусь через внутренний двор к инкрустированной входной двери, от которой, словно от фасеточного глаза мухи, во все стороны исходило переливчатое сияние. Я уже говорила – они просто не могли устоять перед блесками, эти чародеи.

Входная дверь открылась передо мной так же, как дверь в стене, только она оказалась куда менее массивной. Я ожидала, что мне преградят путь стражники или, по крайней мере,

² 1 фут = 30,48 см.

чопорный дворецкий, но никого не увидела. За дверь оказалась очередная чернота, освещенная черными люстрами, но мерцал в них не огонь.

Подергивание потянуло меня в длинный коридор, и я повиновалась. Интересно, почему проникнуть в такой величественный дом так просто? Может, люди вроде меня и должны попадать сюда, как мыши в мышеловку? Наверное, все так боятся волшебных делателей, что никому и в голову не придет ограбить кого-нибудь из них. Тогда, конечно, стража не нужна.

Что-то мягкое ткнулось мне в колено, и я взвизгнула, подозревая западню, но передо мной был самый обычный кот – разумеется, черный. Кот услышал, что я иду по коридору, и решил разобраться, в чем здесь дело.

– Здравствуй, – тихо сказала я, наклоняясь и протягивая коту руку; я чувствовала себя по-дурацки. Наверное, не стоило тянуться к нему или касаться его шерсти без разрешения.

Кот подозрительно прищурился, но уже через минуту подставил мне подбородок, который я и почесала; кот покрутился рядом, после чего потрусил по коридору передо мной.

До сих пор он был единственным виденным мною в этом доме живым существом, и я была благодарна за компанию; кот бежал чуть впереди и указывал мне путь, подергивая задраным хвостом и виляя при каждом шаге маленькой кошачьей задницей.

Он мог вести меня к хозяину, на кухню, в руки судьбы, а может, уводил по ложному следу, но мне было все равно. Я просто радовалась, что мое путешествие почти окончено.

Оказалось, кот вел меня к хозяину. Дверь в конце коридора была небывало величественной и черной. Кот сел и поскребся, словно самый обычный котяра, который просит, чтобы ему открыли самую обычную дверь.

Я оглянулась на длинный коридор и без особого удивления обнаружила, что он не такой уж и длинный – до входной двери было шагов двадцать. Волшебные делатели были на этот счет очень изобретательны, и я не сомневалась, что волшебник находил немалую забаву в том, чтобы заставить своих гостей ловить ртом воздух, прежде чем постучать в дверь.

Я постучала. Кот пронзительно мяукнул и потерся о мою ногу.

– Ну? – спросил голос из-за двери.

Я не собиралась излагать свою историю через дверь, в которой не было даже замочной скважины, куда можно заглянуть. Я приоткрыла дверь ровно настолько, чтобы впустить кота. Тот просочился мимо меня, еще раз пронзительно мяукнув, а потом разразился мурлыканьем, словно говоря: «Премного благодарен, а дальше как знаешь».

– Ну? Кто там? Входите.

В мужском голосе слышались капризные нотки: обладатель такого голоса заслуживал затрещины. Я толкнула дверь уже посмелее и тут же пожалела об этом: присутствие волшебника подействовало на меня слишком сильно, сердце сделало перебой, и я чуть не распласталась на полу.

– Ты еще кто такая? – спросил волшебник.

В глаза мне бросился ужасный беспорядок. Везде громоздились тарелки с обедками, наполовину вылизанные кошачьим языком; костей с хрящами и корками на них было столько, что хватило бы на прокорм целому стаду поросят.

Протухшие изысканные яства, как выяснилось, воняли куда хуже протухшей простой еды. Наверное, из-за сливок и соусов. Самый черствый хлеб, самый старый сыр пахли просто черствым хлебом и старым сыром, но в этой комнате несло давно не мытыми подмышками дюжины благородных дам.

Как он может выносить этот смрад? Ведь достаточно мановения руки, волшебства, заключенного в одном украденном сердце, чтобы тарелки сделались чистыми навсегда! Я, конечно, не знала, как устроено волшебство, но что в нем толку, если с его помощью нельзя даже протереть пол.

Оторвавшись от созерцания бардака, я увидела волшебника. Он небрежно раскинулся на троне – большом, темном троне, я именно такой себе и представляла; трон был из той же сияющей, как бриллиант, черноты, что и все остальное в этом доме. Зрелище великолепное, что и говорить, но, может, ему хотелось бы подушку-другую? У него что, и кровать из той же ненормальной черноты?

Голова волшебника покоилась на сиденье; одна рука свисала, другая была закинута на спинку; ноги свешивались с подлокотника, образуя черный треугольник. Казалось, что у волшебника нет костей – как у вороньего пугала. Пока я гладела на него, он шевельнул белыми пальцами, которыми держался за спинку трона, и перстни на них заискрились.

– Я спрашиваю, кто ты такая? – повторил волшебник, не удосуживаясь повернуть ко мне голову и продолжая пялиться в потолок.

Я разглядывала его профиль – аристократический нос-клюв и четко очерченный подбородок, – запомнившийся мне еще в деревне.

Руки и ноги волшебника, походившие на брошенные кое-как камышовины, не утратили грации. Мне хотелось сосать их во рту, как палочки корицы. Хотелось прижаться щекой к его подошве; тогда я сделалась бы счастливой, такой счастливой, что могла бы умереть от счастья.

Я приблизилась, и волшебник наконец взглянул на меня повнимательнее. Воображаю, что он увидел: короткая, крепко сбитая фигура со спутанными с дороги рыжими косицами (из них, наверное, до сих пор торчало сено), непримечательное лицо, пухлые щеки и маленькие голубые глазки.

Еще я подумала, что его изящный волшебный нос, возможно, учуял запах несчастья, впитавшийся в меня с самого рождения, а если это несчастье испускало свет, то волшебник его еще и увидел. Хотя, если честно, мне в тот момент было все равно.

Волшебник, задрав бровь, оглядел меня с головы до ног, но боль у меня в груди почти прошла, и я даже обрадовалась, хотя попала в очень странное место и чувствовала себя неуверенно. Но пусть рассматривает меня в упор – причем приговор, без сомнения, не в мою пользу, – лишь бы эта ужасная боль прекратилась.

– Фосс, – сказала я и подумала, не прибавить ли «сударь», но решила, что волшебник этого не заслуживает – слишком много бед он мне причинил.

Мне не нравилось, как меня тянуло к нему. Чем ближе я подходила, тем ближе мне хотелось подойти. Мне казалось, что я смогу избавиться от напряжения, которым он меня одарил, только если он расстегнет собственную кожу, как накидку, и позволит мне забраться внутрь.

Волшебник опустил ноги и сел как положено, волосы колыхнулись безупречной черной волной и упали на щеки и шею. Теперь, подойдя ближе, я разглядела золотой ободок вокруг зрачков серо-голубых глаз. Я могла бы смотреть в эти глаза, забыв о еде и питье.

Странно было чувствовать все это, осознавать, что ты все это чувствуешь, и понимать, насколько смешны твои чувства.

– Фосс? Это еще что за имя?

Стервец невоспитанный, сказал бы Па. У волшебника и правда было лицо, просившее хорошей оплеухи, – равнодушное и в то же время высокомерное, как будто его абсолютно не заботило, что происходит вокруг. Он утвердил локти на коленях, оперся подбородком на руки, отчего стал похож на взирающую на мир с карниза горгулью, и уставился на меня в ожидании ответа.

Наконец я неохотно сказала:

– Цветок такой. Растет в моих краях.

Волшебник наверняка решил, что в жизни не видел ничего, что меньше походило бы на цветок. Не поспоришь. Я всегда стеснялась своего имени. Волшебник ожесточенно потер нос.

– Ты пришла за заклятием? У меня сегодня сил нет, – объявил он. – Обратись к кому-нибудь еще.

Да он смеется. На мне уже лежит одно заклятие, и оно мне совершенно ни к чему.

– Нет, – сказала я.

– Тогда зачем ты пришла?

Мне захотелось сказать: дверь у тебя не заперта и без охраны – люди наверняка то и дело входят и выходят. Я всмотрелась в серо-голубые глаза с золотистым ободком, ища признаки узнавания, но ничего не обнаружила. Я почувствовала себя оскорбленной. Ясно было, что он меня забыл.

– Чего ты хочешь? Приворот? Чтобы зачаровать любезного? – Он издевался не столько надо мной, сколько над собой, но я пока не собиралась втягивать иголки.

– Вы что, торгуете заклинаниями?

– Иногда. Я в этом смысле ничем не лучше какой-нибудь знахарки. Просто мои привороты подороже.

– Мне не нужен приворот.

Волшебник начинал терять интерес – совсем как маленький мальчик. Пощипал рукав, повертел головой, покусал ноготь и начал:

– Ну тогда...

– Я хочу наняться к вам в прислуги, – неожиданно сказала я. Слова сами выстроились у меня на языке и вылетели изо рта.

– А... Ладно.

Волшебник щелкнул пальцами. Черный кот явился, как дым.

– Кот покажет тебе, где что.

Я заморгала. Не ожидала, что он согласится так быстро, да еще не задавая вопросов.

– Ну же, давай убирайся. Я размышляю.

Я наклонилась, чтобы подобрать грязную тарелку.

– Оставь! Оставь. Потом заберешь. Иди.

Кот, вздев хвост, как знамя, двинулся к большим дверям, поглядывая через плечо – убедиться, что я не отстаю. Я распрямилась и последовала за ним, с каждым шагом, отделявшим меня от волшебника, чувствуя, что боль снова усиливается.

И все же теперь мне было в тысячу тысяч раз легче, чем в деревне. А если болеть будет не сильнее, чем когда ноет в животе, такую боль я вполне перетерплю.

Дверь открылась, как... да, как по волшебству, и кот просочился в щель. Оглянувшись один-единственный раз, я увидела, что волшебник снова раскинулся на троне и уставился в потолок, только теперь пальцы одной руки щелкали, словно в такт неслышной музыке. Имени его я не спросила.

Глава 7

«Я хочу наняться к вам в прислуги». Что за дурость. Неужто я и правда возмечтала провести остаток отпущенных мне дней, отскребая эти странные черные плитки и отмывая грязные тарелки!

Но слова сами собой всплыли в моей голове, как только я поняла, что волшебник не узнал меня. Я ожидала... что ж, если он меня не узнал, то я ждала, что хоть вспомнит, что сотворил со мной. Наверняка на мне остался знак, какая-нибудь невидимая магическая подпись, свидетельство того, что волшебник сорвал мое сердце, как яблоко, хотя бы даже часть сердца?

Я чувствовала странную обиду и неуверенность. Что дальше? Волшебник не сожрал меня живьем, не выпил кровь сразу по моем прибытии (отчасти я ожидала, что так и будет), но и сердце в бумажном пакете мне не вернул.

В груди болело. Я понимала, что сердце не восстановилось (я смутно надеялась, что, как только появлюсь здесь, оно впрорхнет на прежнее место, как почтовый голубь в знакомую голубятню), а значит, оно все еще или у волшебника, или где-то в его доме.

Неужели он собрал так много сердец, что сбился со счета? Неужели позабыл тех, чьими сердцами завладел? Но почему тогда только мне казалось, что если я не притащусь к самым его дверям, то непременно умру?

Я, конечно, пока не спросила его об этом, и этому не нужно удивляться. Надо было сначала обратиться с духом. Но теперь я служанка в его доме, и необходимое время у меня есть.

– Проклятые коридоры, – сказала я коту, когда мы тащились по сияющей черноте. Я знала, что кот меня не понимает, но больше поговорить было не с кем. – Прямо анекдот. Это сколько же ему надо времени, чтобы до уборной добежать?

Словно услышав мои слова – подозреваю, что именно это и произошло, – коридор с чихающим звуком сложился, как складывают простыню, и стал короче. Только что я стояла посреди необъятного пространства – а теперь вдруг оказалась у двери, от которой до двери тронного зала, оставшегося у меня за спиной, было всего пять шагов. У меня перехватило дыхание.

– Спасибо, – поблагодарила я неизвестно кого, придя в себя. И не без опасения открыла дверь.

– Ну, господин Кот, что у нас здесь?

За дверью оказалась кухня или то, что в этом доме сходило за кухню. Кот прошествовал внутрь и оглянулся, чтобы убедиться, что я следую за ним, после чего вспрыгнул на длинный стол, изготовленный из того же глянцево-черного материала. Кота можно было рассмотреть на столе только по сверканию желтых глаз.

Как только волшебнику живется в такой темени? Она, конечно, выгодно подчеркивает его красивые глаза и скулы, но жизнь – это нечто большее, чем красивые глаза и скулы, к тому же кому здесь ими любоваться? Кроме кота?

На кухне, конечно, оказалось еще больше грязных тарелок; объедки протухли настолько, что над ними жужжали бы тучи мух, если бы в этом доме водилось нечто столь прозаическое, как мухи. На кухне стояла сладковатая вонь, а окон, которые можно было бы открыть, не предвиделось.

Насколько я могла понять, в громадном Доме вообще не было окон. Единственным источником света служили мрачно мерцающие люстры.

– Мне нужна вода, – сказала я коту. – Должна же здесь где-то быть вода, чтобы помыть тарелки. И мыло. И поленья для очага, чтобы вскипятить воду. Мне надо помыться самой и помыть загаженные тарелки. Как ему обычно подают еду?

Я медленно оглядела кухню. Ни буфетов, ни корзин с продуктами. Ничего. Только стол, а на столе – тарелки. Он что, сам себе готовит? Волшебным образом? При мысли о том, что мне придется есть еду, приготовленную посредством магии, у меня скрутило желудок.

Черный кот пронзительно мяукнул.

– Жалко, что ты не разговариваешь, – сказала я.

– Ну почему же?

Я оглянулась через плечо, словно здесь был еще кто-нибудь говорящий. Наконец мне пришлось признать, что кот – единственный возможный источник голоса.

Я невольно повернулась к нему:

– Так ты все же умеешь говорить?

– Вообще-то не умею. Но ты пожелала, и я заговорил, – объяснил кот.

Слова, исходившие из кошачьей пасти, звучали странно и как будто с иностранным акцентом. Ему плохо давались «б» и «в».

– А такое бывает? – спросила я.

– Здесь – бывает. Чаще всего.

– Вон как. – Что ж, теперь у меня в этом месте появился союзник. – А какая у тебя кличка?

Кот, кажется, не понял.

– Как тебя зовут? – уточнила я.

– Мне всегда нравилось имя Корнелий.

Я подняла брови:

– Ну что ж, Корнелий. Стоит тебе чего-нибудь пожелать – и оно появится?

Ну просто сказка. При одной мысли об этих кисельных берегах я покрылась гусиной кожей от раздражения.

– Не совсем, – принялся объяснять Корнелий. – Все получится, только если тебе что-то нужно по-настоящему. Просто так попросить не выйдет. А еще он сам решает, что тебе нужно, а чего не нужно, так что бархатных платьев можешь не ждать. Поверь мне – я месяцами грезил о семге, но так ее и не получил.

– В бархатном платье я бы выглядела сущим чуделом, – призналась я.

Кот кивнул, соглашаясь со мной, но я не слишком расстроилась. Хотя бы животное было честным. Или казалось таким.

– Ты сказал «он», – продолжила я. – Он – это Дом?

– Дом, Он. Это примерно одно и то же. Дом вырос вокруг Него. – Я прямо-таки слышала заглавные буквы в этих «Дом» и «Он», хоть и из маленького треугольника кошачьей пасти.

– Одно и то же?

– Поживешь здесь – увидишь. – Кот говорил все увереннее, речь стала беглой. – А с водой и огнем тут и вовсе проще простого.

Я откашлялась.

– Мне бы воды, – сказала я Дому. – И огня в камине. И... – Ничего, ничего-то здесь не было. – И мыла, – продолжила я, – и тряпок, и корыта – одно мне, помыться, и еще одно – чтобы помыть посуду. И еды.

– Поувереннее, – посоветовал Корнелий.

– Хлеба, наверное, и мяса. И чего-нибудь свежего. Овощей. Фруктов. А еще я не знаю, где у тебя тарелки, чашки и прочее.

Мне снова показалось, что пространство вокруг меня странно чихнуло и перестроилось. Это ощущение сбивало с толку, как когда пропустишь ступеньку на лестнице; вещи не появились – они просто всегда здесь были, просто я их почему-то не заметила.

В камине расцвели красные лилии огня. Перед ним исходили паром два корыта с горячей водой; с них свисали полотенца и небольшие отрезки полотна. Между корытами лежали два длинных бруска зеленого мыла.

Корзины, полные хлеба, мешки, полные свежих овощей, – давно я не видела такой хорошей провизии, после наших-то ужасных урожаев. В роскошной чаше черного хрустала висела целая горка фруктов.

Дверь приоткрылась, и стал виден ледник; в нем свисало с серебристых крюков мясо. Стол был уставлен разнокалиберными тарелками и чашками, был здесь и чайник с кипятком, а чайничек для заварки был покрыт стеганым чехлом (черным). Из носика шел ароматный пар.

– Неплохо, – одобрил кот.

– Да уж.

Я коснулась тарелки. Великолепный тонкий фарфор, прозрачный против света. По ободку тарелки шел витиеватый черно-серебристый узор – вороны, сидящие на ветках. Были здесь и красивые, тяжелые соусники.

– А плиты все же нет, – заметила я и тут же услышала – бам! Обернувшись, я увидела за собой плиту из того же черного материала, что и все остальное в этом доме.

– По-моему, ты понравилась Дому, – одобрил Корнелий.

– А как здесь все устроено?

Кот странно двинул спинкой, словно пожал плечами, если бы лапы у него крепились к нормальным плечам.

– Я получаю пищу и воду, когда хочу есть и пить, – объяснил он. – И мышку время от времени.

– Мыши? Здесь водятся мыши?

– Наверное, Дом творит их для меня. У них забавный вкус, и они странно ощущаются на зубах, не как настоящие. Но для разнообразия можно поохотиться и на них. – Корнелий замолчал, полизал лапу. – По-моему, Дом боится, что я заскучаю. Наверное, он и о тебе тревожится.

Я окинула взглядом недавно появившиеся вещи:

– Может, пожелать, чтобы тарелки стали чистыми сами по себе?

– Не уверен, что получится, – сказал Корнелий. – Это не необходимость, а просто желание, если ты меня понимаешь.

Что ж. Я закатала рукава своего платья, которое, честно говоря, вскоре предстояло пустить на тряпки, и поставила грязные тарелки в стопку. Счистив объедки в огонь, где они с треском съжились, я погрузила грязные тарелки в корыто и принялась отмывать их мыльной тряпкой. Которая, кстати, была тоньше любого из моих платьев.

Какое это было удовольствие – по локоть опустить руки в горячую мыльную воду! Я почувствовала себя в тысячу раз лучше, по-домашнему.

Корнелий свернулся на каминном коврикe – а был ли здесь этот коврик секунду назад? – и, кажется, задремал.

Когда я закончила, он, однако, открыл один глаз и стал наблюдать, как я выливаю грязную воду в раковину, которая вежливо возникла в углу, пока я не смотрела.

– А ну-ка, закрой глаз, – велела я. – Я собираюсь мыться.

Кот фыркнул:

– Думаешь, мне это интересно?

– Тебе, может, и не интересно, но я буду чувствовать себя неловко.

– Ладно. – Кот зевнул, раскатав половичок языка, и улегся, подставив огню другой бок.

Я с наслаждением влезла в корыто с горячей водой. Давно мне не было так хорошо, давно я не ощущала ничего, кроме ужасных рывков заклятия; я и забыла это блаженное чувство. Я лежала в воде, пока кожа не сморщилась и не стала мягкой, как задница младенца.

Вытершись тонким полотном, которое вполне сошло за полотенце, я потянулась за корсетом и юбкой и обнаружила на их месте другую одежду – покрасивее, из более прочной ткани, с изящными серебряными застежками.

Башмаки мои пришли в порядок и отчистились; новое исподнее висело на палке перед камином, и когда я надела его, оно приятно согрело кожу.

Я еще никогда не видела такой роскоши. Свою старую одежду я обнаружила под новой – ее прикрывал отрез ткани. Какое облегчение. Мне не хотелось бы безвозвратно потерять свои вещи.

Одевшись, я пригладила юбку ладонями; под пальцами чувствовалась плотная и мягкая, упругая, как весенняя травка, ткань. У меня никогда еще не было такой удобной одежды. Мне вспомнились слова Корнелия о бархатных нарядах. Кажется, что-то – или кто-то – решило, что они и правда мне нужны.

Я склонилась над ванной, желая увидеть свое отражение в воде. Новая одежда сидела так, словно лучший городской портной сшил ее прямо на мне. Вода колыхнулась, отражение лица стало расплывчатым, и я с трудом узнала себя. На секунду я исполнилась тщеславия, но вспомнила, что я не знатная дама, а крепко сбитая дочка мясника и прихорашиваться перед собственным отражением мне не по чину.

– Это он делает? – спросила я, стараясь подавить бессмысленный прилив жара и неги в животе при мысли о том, что волшебник заботится обо мне.

Кот фыркнул:

– Нет. Во всяком случае, не так, как тебе кажется.

– А как?

– Трудно объяснить. Я же все-таки просто кот, что бы вы с Домом со мной ни делали. Так что я и сам не до конца все понимаю.

– А ты попробуй.

– Что ж. Насколько я могу судить, Он и Дом – одно и то же, но они не одно и то же. Понимаешь? Мы, кошки, хорошо видим то, что скрыто от людей, и я вижу, как прочно Он и Дом связаны друг с другом. Дом как будто вырос вокруг Него. У них, так сказать, один запах на двоих. Так что все поступки Дома могут основываться на его магии, но это не значит, что Дом спрашивает у него, когда и что делать.

– И правда сложно, – признала я.

– Я предупреждал.

– Как ты думаешь, у меня получится распутать эти связи? Понять, что к чему?

– Если честно, нет.

– А имя у него есть? У волшебника?

– Есть, – сказал кот, – но прямо сейчас я его забыл. Я, видишь ли, не так часто его слышу.

– Понимаю. А как устроена его жизнь? Кто, например, ему готовит, если здесь больше никого нет?

– Думаю, все устраивается само собой. Обычно он проводит время в той большой комнате, а иногда его здесь и вовсе не бывает. Все устраивается само, что с ним, что без него.

– Он и спит здесь? У него есть спальня? – Ну зачем я так покраснела!

– Если и спит, то я этого не видел. Я никогда не видел, чтобы он спал.

– А ты где спишь?

– То там, то сям. Здесь есть несколько уголков, в которые я возвращаюсь, и они, кажется, устроены специально под меня, с углублениями, но Дом не возражает, чтобы я под настроение попробовал что-нибудь новенькое.

– А отхожее место? – спросила я, с некоторой неловкостью понимая, что очень скоро оно может мне понадобиться.

Корнелий моргнул.

– Уборная. Туалет. Место, где ты делаешь свои дела.

– А-а-а. У меня есть такое место. Оно, кажется, убирается само собой. Во всяком случае, когда я туда наведываюсь, там всегда чисто.

– Очень любезно со стороны уборной. А у людей как? Куда он ходит?

– Не знаю, – сказал кот. – Я никогда не видел, чтобы он специально куда-нибудь ходил. Может, ему и не нужно. Но я бы на сей счет не беспокоился. Наверняка такое место появится, как только у тебя возникнет потребность.

Да уж, если Дом организовывал пространство, решая, насколько велика нужда в том или сем, то означенная потребность числилась среди насущнейших.

Я занялась кухонными делами, стараясь не обращать внимания на то, что меня со всех сторон окружает черное; меня все еще беспокоило, что вокруг вместо дерева или старых добрых кирпичей сплошная магия, да еще в твердой форме. Знакомые занятия: почистить картошку, нарезать овощи, сунуть в духовку две свиные отбивные, пока кипятишь воду на плите. Корнелий наблюдал за мной.

– Может, добавишь третью? – спросил он. – Обычно-то я ем сырое мясо.

Я решила, что от этого не будет беды, раз уж запасы волшебным образом пополняются сами собой; выбрав отбивную поменьше, с хрящиком, я бросила ее на ту же сковороду. Корнелий, глядя на меня, медленно моргнул – я знала, что на кошачьем языке это знак одобрения.

– В доме только вы вдвоем? – спросила я. – Ни других животных? Ни слуг?

– Ему не нужны слуги, – сказал кот, но спохватился. – Я хотел сказать – были не нужны. Кажется, ему понравилось, что теперь у него есть служанка.

– Ты разговариваешь уже куда лучше, – похвалила я.

– Спасибо. Ты это заметила, и теперь речь дается мне еще легче.

Я присела у длинного стола, дожидаясь, когда закипит вода.

– А чем он занимается дни напролет? У нас в деревне знали немного о волшебницах, но волшебников мы не видели до самого его приезда.

– Он или здесь, или нет, – объяснил Корнелий.

– Это и так понятно.

– Когда он здесь, то сидит в тронном зале, грызет ногти или занимает себя тем или другим – жонглирует, подбрасывает мячик... Иногда под настроение гладит меня, а я ему мурлыкаю. Кажется, ему это нравится.

– А еще?

– К нему приходят гости. В основном дамы.

Я понимала, что охватившая меня ревность тем ужаснее, что она – неестественное, искусственно созданное чувство, результат заклинания. Я дала ей вытечь из себя, как поносу, и она, как понос, оставила после себя ощущение слабости.

Корнелий искоса глянул на меня:

– Ты хорошо себя чувствуешь?

– Да.

– Они приходят поболтать с ним. И тогда он не пускает меня в зал. Не знаю почему. Я же все равно ничего не смогу сказать. Наверное, волшебницы не хотят, чтобы к их красивым платьям пристала шерсть.

Значит, Корнелий не мог подслушать какой-нибудь полезный мне разговор – например, о том, где хранятся сердца. И все же он целыми днями бродил по Дому и знал хотя бы о некоторых его загадках.

– А как можно найти тайную комнату в доме вроде этого?

Кот снова странно дернул спинкой, что у кошки могло сойти за пожатие плечами.

– Думаю, если она тебе понадобится, ты ее отыщешь.

Да уж, эта комната была мне нужна, как ничто другое. Для этого я и предприняла всю эту затею: мне хотелось вернуть себе свое сердце. Или что он там у меня забрал, если сердце – просто медамфора, как выразился тот выпивоха.

* * *

Корнелий не обманул: когда вечером мне понадобилась спальня, Дом сотворил ее, убранную черным, но с простынями и подушками, а матрас он создал такой высокий и толстый, что мне пришлось залезать на него, как ребенку на материнские колени. Отхожее место Дом, к моему облегчению, тоже сотворил.

Едва увидев кровать, я уже готовилась рухнуть в нее и уснуть, но в углу спальни демонстративно проявился умывальник, и я решила, что это место хочет, чтобы я умылась.

Да, Дом оказался педантом, отчего свинарник в комнате хозяина стал казаться еще более странным. Свою новую одежду я сложила как можно аккуратнее; в угловом гардеробе обнаружилась чистая (черная) ночная сорочка. Наконец я забралась в постель.

Натянув одеяло до подбородка, я немного подождала (если честно – с надеждой), что волшебник обратит на меня свое внимание, но дверь так и не открылась. Вечером, когда я относила ему ужин, он даже не поднял на меня глаз. Мои лицо и формы его явно не заинтересовали.

Короткий трепет гордости, испытанной раньше по поводу того, что я добралась до города и отыскала волшебника, сменился ознобом мрачных предчувствий. Во что я ввязалась? Но не успела я углубиться в эти мысли, как меня охватила дремота. Я уснула, и в первый раз за все эти недели мне ничего не снилось.

Помню тихое короткое мурлыканье, после которого мне на ноги опустилась тяжесть: в изножье запрыгнул Корнелий. Кот принялся увлеченно топтаться по моим ногам, и я заворчала в подушку.

– Прости, – сказал он и втянул когти. – Так лучше?

– Да. Спасибо.

Корнелий заурчал, и я поняла, что мне нравится это тихое, успокоительное тархтение. До сего дня я считала кошек бессмысленными существами, годными только на то, чтобы ловить мышей, но теплая тяжесть и умиротворяющие звуки были такими приятными, что помогли мне снова уснуть.

Глава 8

Утром я открыла глаза в чернильную черноту. Я прислушалась, ожидая, когда скрипнет кровать Па, когда он опустит ноги на пол, как он медленными шагами станет спускаться на кухню, чтобы поставить чайник на каминную плиту, однако ничего не услышала. Потом я вспомнила, где нахожусь, и вздрогнула от страха, смешанного с возбуждением.

Окон здесь не было, но когда я потянулась и зевнула, мгновенно зажегся свет. Дом словно наблюдал за мной, ожидая моего пробуждения; от этой мысли мне стало неуютно. Я не могла понять, откуда исходит свет; рассеянный и мягкий, он, казалось, струился отовсюду сразу, словно светился сам черный камень. Кажется, Дом решил, что если он зажжет волшебную люстру, то я испытаю слишком сильное потрясение, да еще в начале дня. Я была ему за это благодарна.

Я заметила, что на ноги мне наброшено еще одно одеяло – густой черный мех, и по ступням разливалось приятное тепло.

Корнелий спал или почти спал – под веками светились узенькие полумесяцы, а когда я пристально посмотрела на него, кот без энтузиазма заурчал, то и дело прерываясь, словно огонь, потрескивающий в камине.

Я спустила ноги на пол – теплый, неприятно похожий на плоть, мне понадобится время, чтобы привыкнуть к нему – и направилась к умывальнику. Корнелий засопел и недовольно фыркнул, однако встал и потянулся, расправляя хвост, лапы, даже уши и усы, после чего снова свернулся в той же удобной позе.

– Что он ест на завтрак? – спросила я, закончив умываться.

– Обычно – остатки ужина.

– Прямо с грязных тарелок?

– Да. Он не слишком привередлив.

Кот как будто намекал, что его хозяин живет, как свинья в хлеву.

– Ну а кто готовил еду в самом начале?

– Может быть, Дом? Наверное, так же, как он творит мне мышей. Но Дом готовит невкусно. Мне даже не нравится вылизывать тарелки.

– На вид там что-то изысканное. Было.

– Да уж, *на вид*, – мрачно заметил Корнелий.

Я вздохнула:

– Давай-ка я лучше приготовлю завтрак Его Сиятельству. Раз уж я добровольно подрядилась быть прислугой.

Я надела красивое новое платье, снова подивившись изысканной вышивке и качеству материи.

За ночь к вышивке, похоже, добавили несколько новых узоров. Да и вырез опустился значительно ниже, чем накануне: все еще скромный по меркам большинства, он демонстрировал обнаженную кожу щедрее, чем я привыкла. Я бросила на Дом косой взгляд. Он что, собирается колдовать с моей одеждой каждый день?

– Слушай! – громко сказала я. – За платье спасибо, оно очень милое, но для меня пышновато. Я дочка мясника. И я, по-моему, выгляжу в нем смешно. Мне нужно что-нибудь практичное, и еще фартук, чтобы закрыть одежду спереди. И все, я буду довольна.

Краем глаза я уловила небольшое движение и покосилась на спинку кровати; там уже висел черный кружевной передник. Я закатила глаза: ничего более непрактичного я и вообразить не могла. Однако я все же повязала передничек.

Сочтя, что готова, я открыла дверь своей комнаты. Мне показалось, что Дом собрался с духом и решил выглядеть как приличное, респектабельное жилище. Мне почудилось какое-то движение, но все тут же замерло.

Я с опаской вышла в коридор и направилась туда, где, по моим представлениям, находилась кухня; я полагалась на воспоминания вчерашнего дня. Пол еле заметно менял положение подо мной, направляя мои шаги в ту или иную сторону, когда я не знала, куда идти. Дом обходился со мной бережно, он старался помочь, не пугая меня.

Кухню я нашла; должна со стыдом признаться, что в то первое утро я едва вспомнила о родной деревне и Па, даже когда пекла пирожки, которые он так любил, и присыпала ломтики картошки мукой так, как ему всегда нравилось.

Я с облегчением чувствовала, что боль немного унялась; я была рядом с объектом своей мучительной, нежеланной любви, но я не вдавалась в размышления. Я просто была на седьмом небе от радости.

Кроме пирожков и картошки я приготовила волшебнику яичницу с беконом, грибами и помидорами. У меня под руками появлялось все необходимое: сливочное масло, молоко – вообще все, стоило только пожелать, да еще и превосходного качества, не отбросы какие. Мое прежнее предубеждение против волшебной провизии испарилось, как только я распробовала ее, хоть и призадумалась, что со мной будет, если я начну питаться так каждый день.

Дом, казалось, воодушевился, учуяв завтрак. Огонь гудел и потрескивал, яйца пузырились в сковородке, ломтики бекона завивались с краев, как застенчивые девчонки, желавшие спрятать лицо. Нашелся даже кофе, такой темный и ароматный, что я могла бы одним запахом выкраситься в брюнетку.

Я скормила пару ломтиков бекона Корнелию; он набросился на них так, словно они были еще живые.

– Через минуту дам еще, – пообещала я. – Только сначала отнесу поднос. Он по утрам в тронном зале? Или в спальне?

Мне представился волшебник в постели, и все мое тело запыхало. Болезненные судороги, дома почти нестерпимые, теперь, когда я находилась рядом с волшебником, блаженно утихли, но, кажется, готовы были разгореться снова, стоило мне вообразить себе картину вроде этой. Плохой знак.

– Я же говорю: я не знаю, есть ли у него спальня, – напомнил Корнелий.

– И ты не хочешь улечься ему в ноги, как у меня на кровати?

– Нет. Подозреваю, что ему бы этого не хотелось. Я даже не знаю, зачем он перенес меня сюда. Наверное, думал, что я стану его забавлять. Я жил на улице, был уважаемым бродячим котом, мгновение – и я уже здесь. И с тех пор не покидал дома. Да и не мог.

– А ты пытался?

Может, я тоже оказалась в ловушке?

– Раз или два. Но зачем уходить? Здесь тепло, сухо и к тому же кормят.

– Он играет с тобой?

– Поначалу немного играл. Сотворял мне шаровые молнии, чтобы я гонялся за ними, но я подобрался слишком близко, и они опалили мне усы. Он так и не приноровился. – Корнелий быстро облизал усы. – А жить здесь неплохо.

– Ну ладно. – Я нагрозила поднос тарелками и серебром. Дом сотворил вазу с незнакомыми мне экзотическими фруктами, словно на что-то намекая. На всякий случай я добавила на поднос пару плодов и фруктовый ножик.

Я шла по черному коридору, и сердце стучало, как молот. Сейчас я снова увижу волшебника; я едва сдерживала волнение. Дом снова направлял мои шаги, так что уже через несколько секунд я стояла перед дверью тронного зала.

Насколько я поняла, волшебник со вчерашнего дня не двинулся с места. Он так и помещался поперек трона, задрал ноги и глядя в потолок.

При виде волшебника остатки моего сердца зашлись от радости, и я испытала отвращение к себе. На этот раз волшебник хотя бы немного – еле заметно – повернул голову, когда я вошла.

– Ну? – неприветливо спросил он.

– Завтрак.

– А. – Волшебник тяжело приподнялся на локте и осмотрелся, словно давно привык, что слуги приносят ему по утрам завтрак. – Поставь куда-нибудь.

Как будто здесь можно было что-нибудь куда-нибудь поставить. Пол покрывали грязные тарелки. Мне захотелось сказать волшебнику все, что я о нем думаю, но я стала молча пробираться через этот хлев, как лягушка, которая прыгает с одного листа кувшинки на другой. Наконец я усмотрела черный проблеск и поставила поднос на свободное место – прямо на пол, раз уж стола здесь не предвиделось.

Я никогда еще не подходила к волшебнику так близко, и мое глупое околдованное сердце рванулось из груди. Я представила себе, что ощущаю тепло его тела, чувствую его запах – чуть пряный, незнакомый, зовущий.

Я невольно спрашивала себя, что он думает том, как я выгляжу в новом наряде, который сотворил мне Дом. Хоть бы я в этом платье не казалась приземистым чайничком, на который нахлобучили фасонистый стеганный чехол!

– Можешь идти, – небрежно сказал волшебник и взмахнул рукой.

Я думала, что он наконец поест, хотя мне и жаль было, что я не увижу его лица, когда он попробует папину картошку ломтиками.

Я потянулась за одной загаженной тарелкой, потом за другой и принялась собирать грязную посуду на согнутый локоть. Волшебник ущипнул себя за переносицу, словно от звяканья у него разболелась голова, но мне было все равно.

Так ему и надо – за то, что живет в свинарнике, за то, что притащил меня сюда, чтобы подтирать за ним, пусть даже сам того не желал. При мысли о Па и доме я ощутила болезненный укол. Па всегда мыл и убирал кружку, даже если просто пил чай. «Мама меня правильно воспитала», – говорил он, подмигивая.

Собирая тарелки, я ждала, что волшебник скажет мне что-нибудь, велит быть потише, но он, видимо, по моему лицу понял, что шутить я не намерена. Он просто наблюдал, как я собираю все тарелки, какие смогу унести, а их набралось изрядное количество. Я гордилась тем, какие у меня сильные руки.

– Ты не видела сегодня кота? – спросил наконец волшебник и пристально взгляделся в меня.

Я чуть не уронила все, что было у меня в руках, и повернулась к нему:

– Он на кухне.

– А. Ну хорошо. Я давно его не видел.

– Он здесь. Показал мне вчера, где что.

– А, так ты нашла все необходимое.

Удивительное дело: волшебник, похоже, пытался завязать разговор. Словно орел, который пытается кудахтать. Волшебник не мигая смотрел на меня, а я не мигая смотрела на него, и остатки сердца трепыхались у меня в груди. Может, он начал вспоминать, кто я такая?

Мне вдруг показалось, что если он отхватил у меня кусок сердца случайно, а не по злему умыслу, то это еще хуже. Как когда наступишь в отхожем месте на тряпку для подтирки и случайно вытащишь ее за собой, потому что она прилипла к башмаку. Я ждала, но волшебник никак не показывал, что узнал меня. Просто продолжал пялиться, и все.

О чем он думает? Мне хотелось вспыхнуть и отвернуться, все несовершенства моего лица, казалось, стали во много раз заметнее, но внутри нарастало возмущение. Почему я должна стыдиться и рассматривать носки собственных башмаков, если это он притащил меня сюда? Если ему угодно смотреть и осуждать, то пусть смотрит и осуждает.

– Более или менее, – сказала я. – Большинство предметов, кажется, остались там, куда я их положила или поставила.

– Я построил этот дом, как только достиг совершеннолетия, но он, похоже, зажил собственной жизнью.

Волшебник вдруг насторожился, словно сказал лишнее.

– Да. Нам всем дают Дом, когда мы к этому готовы. И мы вольны поступать с ним по собственному усмотрению.

– Вы – это волшебники и волшебницы? – не отставала я.

Ему вдруг срочно понадобилось вычистить что-то из-под ногтя.

– Кот сказал мне, что вы с Домом – одно и то же, – продолжала я.

– *Кот?*

Тот факт, что Корнелий обладает даром речи, видимо, стал для волшебника новостью.

– Он сказал, что этот огромный черный Дом вырос вокруг вас, что его сотворило ваше волшебство.

– Лучше бы кот и дальше молчал. – Волшебник явно никак не мог успокоиться.

– Это правда?

– Можно и так сказать. Дом поначалу был частью меня, моей волшебной силы, но потом... зажил собственной жизнью. Что ж, пусть делает что хочет.

– Но вы всегда знаете, чем он занимается?

– Это невозможно. Он так разросся, так широко раскинулся, что я даже не могу сказать, сколько в нем комнат. Теоретически сейчас их число стремится к бесконечности.

– Но снаружи...

– Ты, может быть, заметила, что пространство и время здесь ведут себя по-другому, – перебил волшебник. – Дом гораздо больше, чем кажется снаружи. Я как-то пытался составить план, просто из любопытства, но потерпел неудачу.

Поскольку волшебник, похоже, был не прочь поболтать, я решила задать другой вопрос:

– Как вас зовут?

От такой дерзости сердце у меня забило еще быстрее.

Волшебник наморщил лоб и уставился в потолок. Он что, пытается *вспомнить* собственное имя?

– Оно мне редко бывает нужно, – признался он. – По-моему, что-то на С. Да, кажется, на С. На языке вертится.

Еще одна долгая пауза.

– *Сильвестр*. Вот.

Ну как человек может забыть собственное имя? Я во все глаза уставилась на него. Да и человек ли он? От этой мысли мне стало неуютно. Какое-то время мы молча смотрели друг на друга.

– Можешь идти, – сказал наконец волшебник – *Сильвестр* – и величественно повел рукой.

Я подавила желание закатить глаза и направилась к выходу из тронного зала, старательно удерживая стопку тарелок. До кухни я добралась без приключений.

Там меня ждал Корнелий.

– А я не съел твой завтрак, – доложил он. – Хотя мне хотелось. Не оставляй его без присмотра.

Я села, налила себе кофе и принялась за яичницу. Два ломтика бекона со своей тарелки я бросила на пол Корнелию.

– Вот спасибо, – сказал он.

* * *

Первый день в Доме выдался странным, но не плохим. Работать мне было не в новинку, я всю жизнь провела в мясной лавке – сначала, пока была мелкой, просто вертелась под ногами, потом, когда выросла, стала распоряжаться за прилавком, – и работа отвлекала меня от странностей моего печального положения. Уборка волшебного Дома не слишком отличалась от уборки любого другого, за исключением того, что нужные мне вещи возникали сами по себе. Я обнаружила, что одна или две комнаты, которые я уже успела исследовать, или исчезли, или переехали в другое крыло Дома, когда я попыталась вернуться в них. Хорошо, что кухня, моя спальня и уборная остались там, где я их расположила.

Кухню я отскребла до зеркального блеска; Корнелий наблюдал за мной. Услышав, что он начал посапывать – тонкий, успокоительный звук, – я стала перебирать кладовую, обдумывая обед и ужин. В роскошной кладовой чего только не было; отлично, я все пушу вход.

За уборкой я думала о том, как все-таки вернуть себе свое. Предположим, волшебник и правда меня не помнит. Он не ждет, что я стану прочесывать Дом в поисках сердца, и я под предлогом уборки смогу обшарить все углы.

Меня все-таки удивляло, что волшебник позволил чужаку так просто войти в его дом, а еще удивляло, что он, кажется, совершенно не интересовался ни моим происхождением, ни моими побуждениями; наверное, я для него была просто еще одной случайной бродяжкой вроде Корнелия. Мы с котом служили волшебнику развлечением в его хаотично устроенных буднях, и он мирился с нашим присутствием.

Прибрав после завтрака на кухне, я тут же приступила к поискам своего сердца.

Я открывала ящик за ящиком, шкафчик за шкафчиком – и краем глаза улавливала, что тут же появляются новые – появляются и нигде не исчезают, когда я к ним поворачиваюсь.

Задача была невыполнимой, но я не сдавалась. Я открывала дверцу за дверцей, чтобы увидеть очередные банки с нездешними пряностями и травами или засохшие продукты; под конец (наверное, у Дома иссякло воображение) передо мной потянулись пустые полки. Я вздохнула и выпрямилась, разглаживая юбку.

Вряд ли волшебник прятал сердца на кухне. Если только он не собирался их съесть, а такое вообразить было тошно. Наверняка волшебные делатели поглощают магию сердец как-то иначе, потому что о других способах мне и думать не хотелось.

– Чем занимаешься? – спросил Корнелий прямо мне в ухо, отчего я подпрыгнула. Он уже пробудился от дремы и примостился на открытой дверце шкафчика.

Чувствуя себя воровкой, я машинально ответила:

– Ничем.

Кот насмешливо фыркнул.

– Ну ладно, – сдалась я. – Послушай, ты не видел здесь... сердца?

– Сердца?

– Или куски сердец. Или еще что-нибудь, что может оказаться сердцем.

– О чем ты? – Корнелий склонил голову набок.

– Сердца. Которые нужны ему для волшебства. Такое средство есть у всех волшебных делателей. Все они забирают частички сердец и с их помощью творят волшебство. Иногда они забирают сердце целиком, а иногда – небольшую часть; бывает, что сердце – это настоящее сердце из плоти, а иногда это, скорее, суть человека. Он волшебник, он каким-то образом забрал мое сердце или его часть, оно где-то здесь, в Доме, и я должна его найти.

Корнелий флегматично мигнул:

– Я не знал об этом. А сердец не видел. И не нюхал.

– Вообще никаких?

– Вообще. Насколько я могу судить, он не удосуживается даже добавлять сердца в мышей, которых я ем.

– Ты уверен?

– Если бы тут где-то было сердце, я бы учуял. Свежая кровь здесь – большая редкость.

Я бросила искать на кухне и пошла бродить по Дому, помахивая метелкой для пыли – на случай, если волшебник станет задавать вопросы. (Хотя ему, кажется, было все равно, чем я занимаюсь.) Итак, другие комнаты.

Они выглядели не столько как комнаты, сколько как живые органы некоего странного, непостижимого гигантского существа. Пол в коридоре вздрогнул под моими шагами, словно лошадь, которая пытается согнать муху с шеи, и я обнаружила, что двигаюсь в незнакомом направлении и смотрю на незнакомую дверь. У ног возник Корнелий, сообразивший, что происходит кое-что интересное.

– Ты видел эту дверь раньше? – спросила я.

– Я обычно не обращаю внимания на двери. Если дверь открывается, я просто нахожу местечко потеплее. Но мне кажется, что этой здесь не было.

Ручка приветливо расположилась прямо у меня под пальцами, словно собака, которая ждет, чтобы ее потрепали за ухом. Я открыла дверь и, сопровождаемая Корнелием, вошла в новую комнату. Завидев низенький длинный диванчик, кот с довольным мурчанием запрыгнул на него и тут же стал топтаться.

– Неплохо, – одобрил он.

Передо мной была спальня. Хозяйская? Мне представился волшебник на сбитых черных простынях, кожа еще белее на фоне сияющей тьмы, гладкие волосы спутались на черной подушке. Запылав, я прижала руку к ребрам, чтобы удержать на месте остатки сердца, которое было готово предать меня.

Но нет, это не спальня волшебника. Эта спальня явно принадлежала женщине. Сердце прекратило рваться из груди, стоило мне подумать о том, что здесь живет другая женщина. И, судя по комнате, красивая. Все здесь было сделано из того же волшебного черного материала, но выглядело изящным, женственным, великолепным.

Я сделала пару шагов, ожидая, что откуда-нибудь протянется огромная ухоженная рука и выкинет меня отсюда, как сбрасывают пушинку с расшитого рукава. Однако рука не появилась, и я стала обходить комнату.

Я провела пальцами по бархатистым черным обоям – черные вороны на голых ветках, – открыла платяной шкаф и стала быстро перебирать висевшие в нем нарядные платья.

Что ж. В новом наряде я казалась себе едва ли не красоткой, но эти платья живо напомнили мне, насколько я, толстуха-коротышка, непримечательна по сравнению с другими женщинами.

Эти платья, тоже черные, чернели переливчатой чернотой скворцов или воронов; из-под черного светилась целая радуга красок, как светится из-под вуали улыбка дамы на портрете. Платья источали запах странных, манящих духов, напоминавших о вечерней жимолости и крепком сладком вине. В талии эти платья были не шире моего запястья. Внизу шкафа я нашла миниатюрные туфельки.

– Кто здесь жил? – спросила я.

– Не знаю, – ответил, не прерывая мурлыканья, Корнелий – похоже, диван оказался мягким. – Наверное, это было еще до моего появления здесь. Я не видел в Доме никого, кроме хозяина.

От ревности меня замутило, как от несвежего жаркого. Я подошла к туалетному столику – легкомысленной вещице на тонких ножках, словно готовых убежать, – и уставилась в зеркало. У него была рама, как у написанных маслом картин, и когда в нем отразилось мое лицо, впечатление, уверяю вас, было весьма странным.

Эта комната заставила меня пережить всю болезненную страсть, которую, как мне казалось, я давно подавила. Я испытала приступ злости на мать. Зачем она умерла так рано? Кто теперь расскажет мне, как ухаживать за кожей и волосами, как одеваться, как заговорить с кем-то, кто тебя привлекает?

А потом я испытала приступ вины, потому что – из-за кого она умерла? Пусть я лучше останусь одна, чем подвергну другого человека проклятию моей несчастливой судьбы. Я повернулась спиной к зеркалу, подошла к кровати и потрогала покрывало. Черное кружево.

– Ты сказал, что Дом станет показывать мне то, в чем у меня возникнет нужда. Как, по-твоему, почему Дом решил, что мне нужна эта комната?

– Откуда мне знать? – ответил Корнелий. – Я всего лишь кот. Наверное, у Дома свои причины.

Я принялась выдвигать ящики и открывать дверцы. Может статься, волшебник прячет мое сердце здесь, среди оборочек и рюшечек своей любовницы. В какой-нибудь расписной шкатулке, как драгоценное украшение в подарок, потому что эта комната явно из тех, что богатые мужчины устраивают для своих любовниц. Я не настолько дура, чтобы решить, будто здесь останавливается во время своих визитов его матушка (если только у него есть мать) – для этого в ящиках слишком много куцей кружевной чепухи. Я обыскала комнату сверху донизу, но не нашла ничего, кроме очередных тряпок.

Наконец я сдалась и вышла, тихо закрыв за собой дверь, словно не желая потревожить невидимую обитательницу. У меня было сильнейшее чувство, что в комнате кто-то *есть*.

– Значит, она останется на своем месте? Кухня же осталась? – спросила я.

Корнелий опять отговорился незнанием.

Но когда я попыталась снова притронуться к ручке, мучимая постыдным желанием еще раз провести пальцами по мягкой ткани, представляя себе утонченную даму, в эти ткани закутанную, комната уже исчезла.

Дом дал мне возможность, а я ее упустила. Не увидела того, что он хотел мне показать. Или же я слишком ему доверилась, вообразила, что он целиком на моей стороне. Может, Дом просто хотел обидно подшутить надо мной, показав мне всех женщин, которыми я не смогу быть.

Следующая комната, представлявшая некоторый интерес, оказалась куда прозаичнее будуара. Я уже возвращалась на кухню, когда передо мной возникла еще одна дверь и еще одна дверная ручка подставилась мне под пальцы. Я закатила глаза и повернула ручку.

Не знаю, чего я ожидала. Еще одной спальни? Меня бы мало что удивило. Комната, полная тяжело пахнущих черных лилий? Пыточная, увешанная лезвиями и тисками для пальцев? Бесконечный коридор, по стенам которого висят масляные портреты, чьи глаза следят за

тобой? Всему этому в черном особняке волшебника вполне нашлось бы место, и еще множество странных вещей поместилось бы сверх того.

Однако перед мной предстала самая обычная комната, хоть и тоже черная; по стенам выстроились запертые деревянные шкафчики, а посередине утвердился простой деревянный стол. Пол, который давно пора подмести, паутина и какая-то картина, закрытая мешковиной. А может, это было зеркало; я не разобрала.

Не успела я шагнуть через порог, как ручка вырвалась из моих пальцев, и дверь захлопнулась, словно от порыва ветра. Я охнула.

– Ты что здесь делаешь? – произнес голос у меня за спиной.

Меня чуть удар не хватил от страха. Я резко обернулась. Волшебник стоял так близко ко мне, что я пришла в смятение. Он взирал на меня, как сытый кот на птичку, – скорее задумчиво, чем с хищными намерениями.

– Ты здесь что-то ищешь.

Значит, он знает, что я хожу по всему Дому. Я уже готова была извиниться, но сумела удержаться.

– Мое дело – прибираться. И я бы не сказала, что что-то ищу. У меня подогнулись ноги, и я схватилась за очередную дверную ручку, вот и все, – сказала я и прибавила как можно беззаботнее: – Я нашла спальню. Женскую, судя по виду.

– Это моей сестры.

Волшебницы? Я, к стыду своему, очень обрадовалась, что это не спальня любовницы.

– Она живет здесь?

– Жила. – По лицу волшебника скользнула непонятная тень.

– Вот как.

Я ожидала, что он велит мне не совать нос куда не следует, но волшебник, молча посмотрев на меня, резко повернулся и пошел прочь. Волосы колыхнулись и снова опустились ему на плечи.

Это продолжалось следующие несколько дней. Мы с волшебником едва разговаривали друг с другом. Когда приходило время завтракать, обедать или ужинать, я входила к нему, сообщала, что на подносе, и уходила. Однако через пару дней волшебник уже стал заказывать блюда или капризно объявлял, что не любит капусту или мидий.

Мне было абсолютно все равно. Дом обеспечивал меня всем необходимым, и являвшиеся мне продукты казались вполне настоящими. Однако я спрашивала себя, не похожа ли вся эта провизия на мышей, которых Дом творил, чтобы позабавить Корнелия – убедительная, но не такая питательная, как то, что растет на грядке.

Настоящая это была еда или нет, но Корнелий отъелся на моей стряпне. Тарелки больше не громоздились в тронном зале, и пахло там теперь мылом, а не тухлым мясом, что определенно пошло всем на пользу.

С каким наслаждением я отскребала тронный зал начисто в первый раз, видя, как исчезают пятна. Волшебник молча грыз ногти и наблюдал, как я работаю; ни чар, ни заклинаний, призванных ускорить процесс, он не сотворил.

Дорогу я в основном запомнила – если Дом вел себя хорошо и не менял комнаты местами; я привыкла спать в огромной кровати, завернувшись в черное одеяло.

Дом никак не хотел оставить в покое мою одежду, которая день ото дня становилась все богаче и обрастала все новыми изящными прибавлениями; но когда вырез лифа снова стал углубляться, мне пришлось сказать Дому пару слов. Мы сошлись на том, что вырез будет обнажать больше кожи, чем я привыкла, но не опустится настолько, чтобы привести меня в смущение.

Первые дни были... Я бы не сказала, что они обрели какую-то форму, потому что время здесь, в этом непонятном месте, вело себя иначе: то растягивалось, как резина, то снова резко

сжималось и закручивалось, сбивая меня с толку и приводя в недоумение, но из этого тумана проступали повседневные дела.

Не могу сказать, сколько прошло дней: живя в Доме, я не видела дневного света – только странный, бесцветный свет, источаемый Домом. Но я знала, что единственный способ следить за ходом времени – это регулярные завтраки, обеды и ужины. Завтрак, обед, ужин, завтрак, обед, ужин, а между ними – чашка чая или кофе.

Когда я жила дома с Па, мы то и дело то кипятили воду, чтобы выпить горячего, то пили это самое горячее, то мыли кружки, готовя их к следующему чаепитию, и я не видела причин отказываться от этой привычки потому только, что теперь жила в доме пороскошнее и в моем распоряжении были чашки пофасонистее.

У волшебника подскочили брови, когда я в первый раз принесла ему чай, но когда я через пару часов вернулась со следующей чашкой, предыдущая была уже пуста, так что он не жаловался.

Не жаловался волшебник и на печенье и кексы, которые я пекла к чаю, – они тоже исчезали довольно быстро.

Я обнаружила, что волшебник сладкожека: сахарница, которую я приносила к чаю или кофе, оказывалась наполовину пустой, когда я приходила забрать посуду. Потом она, конечно, наполнялась сама.

Говорили мы мало, от случая к случаю. Волшебник отпускал замечания насчет еды, а мне удавалось отвечать. У меня не подкашивались ноги, я удерживалась от признаний в своей неумирающей любви, так что, вопреки заклятию, держалась довольно стойко.

Я и правда хорошо держалась, если не считать ночных рыданий в подушку, когда я тосковала по волшебнику или вспоминала Па. Но я хоть не оглашала своими вздохами весь Дом, как увядающий цветок.

Если честно, меня саму впечатляло, как я держусь: не страдаю по волшебнику самым жалким образом, а приношу посильную пользу, пусть даже вся моя польза сводится к стряпне и попыткам уследить, чтобы волшебник не похоронил себя в склепе из тарелок с засохшими обьедками.

Не знаю, где он проводил ночи. Уж точно не со мной. Должна признаться, что, стоя на пороге его дома, я ожидала (или боялась, или надеялась) чего-то более непристойного, чем стряпня и уборка, но в моей спальне ночь за ночью воцарялись тишина и спокойствие, если не считать сопящего Корнелия.

Но все равно в конце каждого дня я забиралась в постель со смесью страха и предвкушения, отчасти надеясь и отчасти боясь, что он придет.

Меня это немного удивляло. Когда волшебные делатели забирали кого-нибудь, мне казалось, что они вольны обладать этими людьми – их душами и телами, – сколько им заблагорассудится. Ведь наверняка даже у волшебных делателей бывают... потребности? Я, разумеется, не ждала, что волшебник швырнет меня на шелковые простыни и набросится на меня, едва я возникну на пороге его дома. Хотя будь у меня другая внешность, то и ожидания у меня были бы другими. Но я все-таки была женщиной, и женщиной зачарованной и оттого полностью преданной ему.

Конечно, я бы ему все позволила. Мне *хотелось* позволить ему все что угодно. В tomto и состоял весь ужас заклятия. Но волшебник бездействовал, и разочарование смешивалось в моей душе с облегчением.

Может быть, он тайком пускал к себе любовниц, а может, у него имелись какие-нибудь волшебные способы удовлетвориться – более затейливые и доставляющие куда большее наслаждение, чем наш обычный, потно-человеческий.

Конечно, я, лежа под толстым черным одеялом, уделяла время и собственным потребностям, которые никуда не делись. В такие минуты я представляла себе его лицо, не видя в этом ничего странного: он сам виноват, что завлек меня в свои сети.

Я так и не набрела ни на что похожее на хозяйскую спальню и, так как Дом не хотел мне ее показывать, сочла, что мне и не нужно знать, где она находится.

Если бы мне, например, нужно было сменить постельное белье в спальне волшебника, Дом буквально втолкнул бы меня в нужную дверь. Но пока мне требовалось менять лишь собственные простыни, и я стирала их по мере необходимости в корыте у кухонного очага.

Странная это была жизнь, и я до странного быстро привыкла к ней, таская тарелки из кухни в тронный зал и обратно, намыливая, а потом расставляя их в блестящей черной кладовой.

Конечно, я не перестала искать свое сердце. Мне открывались все новые и новые комнаты, словно Дом потягивался после долгого сна. Я обыскивала их сверху донизу, но большинство были пусты, а остальные оказывались набиты черной мебелью в черных тканевых чехлах.

Я видела только те комнаты, которые Дом решил мне показать. Может, он показывал мне ровно столько новых помещений, сколько надо, чтобы создать у меня иллюзию прогресса? Так маленького ребенка занимают карандашом и бумагой, чтобы отвлечь его.

Время от времени я упирала руки в бока и спорила с Домом:

– Ну давай. Где? Где он их держит?

Дом раздувал пламя в очаге или заставлял чайник свистеть, пытаясь заслужить мое расположение. Или отвлечь меня.

– Ты знаешь, где они. Ты все здесь знаешь.

У Дома не было ни лица, ни тела, чтобы принять покаянный вид, но все же ему это как-то удавалось.

Однажды вечером я приготовила волшебнику мясной хлеб по знаменитому папиному рецепту. Я вложила в этот ужин всю свою тоску по Па, работая в этой до безобразия хорошо устроенной кухне, где под рукой было все, чего ни пожелаешь.

Па готовил хлеб из оставшихся мясных обрезков: прокручивал их в мясорубке, смешивал с мукой, водой и мелко порубленными овощами. Получалось нечто вроде кекса, который можно резать на куски, щедро посыпая зеленью. Рулет он подавал с картофельным пюре, вот и я так сделала.

К тому времени как я внесла ужин в тронный зал, чувство безысходности переехало меня вдоль и поперек. Бархатное платье, однако, осталось безупречным, ни пылинки, ни пятнышка соуса после дневных трудов, и почему-то это рассердило меня еще больше.

Я пересекла зал, балансируя тарелками с великолепным мясом и в меру поджаренными овощами, раздраженная, готовая заспорить, но при виде волшебника снова размякла и скатилась в тошнотворное преклонение. Просто смешно.

Я понимала, что все это действие чар, что тут я бессильна, но обратила свое раздражение на себя же. Почему мне не хватает духу сопротивляться? Почему я не могу избавиться от него и вернуться к своей жизни, вместо того чтобы исполнять любые прихоти волшебника и грезить о его прекрасных глазах?

Тех самых прекрасных глазах, которые сейчас скрыты за свесившимися черными волосами. При моем появлении волшебник сдул их со лба, и даже это ему удалось сделать красиво. Он, как всегда, раскинулся на троне – одна рука подпирала голову, другая играла чем-то вроде йо-йо, только без шнурка; мячик, скользивший под пальцами вниз-вверх, казалось, был сделан из огня.

Неужели волшебник целыми днями сидит здесь, играя в прелестные игрушки собственного изготовления? Интересно, сколько сердец ему понадобилось, чтобы их сотворить? Может, и мое уже сгорело ради какой-нибудь бессмысленной забавы?

Волшебник смотрел, как я ставлю поднос на черный столик, который, как всегда, вежливо возник сбоку. Хозяин редко отзывался о моей стряпне благосклонно, так что я удивилась, когда он, сунув в рот вилку с куском мясного хлеба, сказал:

– Вкусно.

Я удержалась от благодарности: не хватало еще благодарить его за то, что он разлучил меня с Па. Я и так прорыдала почти все время, пока готовила хлеб.

– В нем чувствуется... – Волшебник сжал губы, словно желая добыть из них послевкусие. – В нем чувствуется сердце.

Скажи эти слова кто-нибудь другой, я бы восприняла их как приятный, хоть и сентиментальный, комплимент. Но слышать такое от него... Мне захотелось сжать кулаки. Что еще я против собственной воли отдала волшебнику, скормив ему мясной хлеб по папиному рецепту?

– Ты хорошо готовишь, – продолжал он.

– Хорошо готовить несложно, когда к твоим услугам волшебная кухня. У меня есть все, о чем я ни попрошу.

– Но этот хлеб не иллюзия. Из магических продуктов ты готовишь или не из магических.

Я все еще не научилась смотреть волшебнику прямо в глаза, мне было трудно выносить его взгляд, к тому же я стыдилась приливов своей любви, стыдилась думать, сколь смехотворной эта любовь должна ему казаться, но теперь я подняла взгляд и в упор уставилась на него. Мы смотрели друг на друга, и выражение на лице волшебника оставалось непонятным.

– Что вы делаете с сердцами? – спросила я вдруг, к собственному изумлению.

Волшебник закашлялся, словно хлеб попал ему не в то горло.

«Так тебе и надо», – злорадно подумала я.

– Что? – выкашливая куски хлеба, спросил волшебник.

– Сердца. Все знают, что вы их забираете. Для чего?

Я готова была сказать ему о своем собственном сердце, но не решилась.

– Мы... – Волшебник замолчал.

Неужели ему и правда *неловко*?

Он принялся вертеть вилку между пальцами, причем она сменила форму, превратившись в змейку с четырьмя стремительными языками. Очередной трюк.

– Мы защищаем королевство, – произнес он наконец.

– Это я слышала. Но как вы его защищаете?

– Магия сердец – самая сильная магия. Мы забираем у людей ровно столько, сколько нужно, чтобы защитить всех.

Слова прозвучали заученно механически.

– Чтобы защитить всех. Ладно. За исключением тех, кто лишился сердца.

– Ну не целиком же! Они этого почти не замечают.

Я с трудом удержалась, чтобы не поднять его на смех. Волшебник хмуро сунул в рот еще кусок – он словно жалел, что разговорился. Я ждала. Волшебник все жевал и жевал, словно ему не хотелось продолжать этот разговор.

– Я знаю одного человека, – осторожно начала я, – у которого сердце забрали целиком.

Волшебник судорожно проглотил, стараясь не смотреть мне в глаза.

– Уж он-то точно *заметил*, – продолжала я. – И, сказать по правде, так и не стал прежним.

– Наверное, на кого-то это действует меньше, а на кого-то больше, – уклончиво ответил волшебник, словно речь шла о пустяке вроде простуды.

– Даже если человек выглядит как ходячий мертвец? И с трудом может два слова связать?

Волшебник снова взялся за еду. Мне стало казаться, что он нарочно набивает рот, чтобы избежать разговора. Папин мясной хлеб, конечно, вкусный, но не *настолько* же.

– Что происходит с теми, у кого вы забираете сердца? Потом? – не отставала я.

В странных глазах волшебника что-то мелькнуло.

– Не знаю, – ответил он после некоторого молчания.

Мое собственное сердце колотилось от моей же дерзости.

– Вы когда-нибудь возвращаетесь? – спросила я. – Удостовериться, что с этими людьми все в порядке? Вы сказали, что забираете ровно столько, сколько нужно, что люди почти ничего *не замечают*. Вы именно так и сказали, да?

– Да. Именно так я и сказал.

Последовала долгая пауза. Волшебник явно не хотел продолжать разговор. Ни сейчас, ни потом.

– Что ж, – сказала я, забирая у него пустую тарелку. – Тогда спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – эхом отозвался волшебник.

Глава 9

Со временем новые комнаты начали появляться все реже. Двери возникали, словно их кто-то тасовал и сдавал, как карты, но стоило мне повернуть ручку – и они открывались в неустроенное никуда, без малейших признаков реальности. Кажется, Дом выдохся.

Должна признаться, я испытывала некоторое удовольствие от того, как быстро измотала его своим исключительным упорством. Если бы я слишком задумывалась о своем тяжелом положении, то впала бы в грусть, но я нашла выход в постоянном движении, будь то ураганная готовка на кухне или стремительные передвижения по Дому в попытках довести его до изнеможения одной только силой воли.

– Ты же знаешь это место до последнего дюйма, – сказала я как-то Корнелию. – Где еще можно поискать?

Кот быстрым движением умылся, захватив ухо.

– Не знаю, не знаю, – ответил он. – Сама видишь, Дом любит подвигаться. Он меняет форму. Даже я еще не видел всего, на что он способен. Иногда у меня голова кружится, и я ненадолго сбегая отсюда.

– Как это – сбегашь? По-моему, ты говорил, что не можешь выбраться на улицу?

– Я не на улицу, – объяснил кот, словно я предположила несусветную глупость. – А в Другой Дом.

Я во все глаза уставилась на него.

– Так, значит, ты целыми днями смотрел, как я переворачиваю это место вверх дном, – и только теперь говоришь, что есть еще и другой Дом? Где?

– Он тебе ни к чему. Я могу наведываться туда когда захочу, но еще не видел, чтобы туда уходил хозяин. Понимаешь, тот Дом не волшебный. Он просто стоял здесь до того, как хозяин пришел жить сюда, возвел вокруг себя это черное место, а старое убрал. Волшебники всегда так делают. Кошки способны перемещаться из одного такого места в другое, а насчет людей не уверен.

– Мне бы хоть попробовать. Может, он припрятал мое сердце где-нибудь там.

– Ничего подобного я там не видел. Говорю же, тот, Другой Дом, – не волшебный.

– Ну пожалуйста, Корнелий. Покажи хоть, как ты это делаешь.

Корнелий смешно, по-кошачьи пожал плечами – я уже научилась распознавать этот жест.

– Мне все равно, – объявил он и исчез.

Я подскочила от изумления. Корнелий же в мгновение ока снова возник передо мной, возбужденно размахивая хвостом.

– Видела? – спросил он, как будто теперь все было совершенно ясно.

– Как у тебя это получилось?! – воскликнула я.

– Надо как бы *подумать в другую сторону*, – объяснил кот.

Я закрыла глаза и сосредоточилась, чувствуя себя ужасно глупо. На миг мне показалось, что у меня получилось. Мир скользнул подо мной, словно кто-то выдернул из-под ног ковер; я споткнулась и провалилась в какое-то темное, сырое место; вокруг взвихрилась пыль. Потом все исчезло, в животе екнуло, и я снова оказалась в черном брюхе Дома.

Я попробовала еще раз, не обращая внимания на дурноту, которая все усиливалась; на мгновение мне показалось, что мои усилия увенчались успехом, но, открыв глаза, я обнаружила, что все осталось, как было. Я опустилась на пол – мои волшебные юбки раскинулись вокруг меня, как лепестки темного цветка, – и закрыла лицо руками. В локоть ткнулось что-то холодное и мокрое, кожи коснулся мягкий мех: Корнелий пришел утешить меня.

– Ничего, – промурлыкал он. – Я же говорил: мне кажется, у людей это не выходит.

– Не знаю, где еще искать. – Я ожесточенно потерла глаза кулаками, чтобы не дать слезам пролиться. – Это место можно обшаривать вечно, можно открыть тысячу дверей – и ничего не найти. Хорошо бы поискать внутри его *головы*, если ты не ошибся насчет Дома. А он никогда не выдаст своих секретов.

Проклята при рождении, а теперь обречена любить волшебника, который видит во мне предмет домашнего обихода, наделенный разумом.

– Не падай духом, – призвал Корнелий. – Здесь не так уж плохо.

Кот просто не знал, что мне пришлось вынести.

Потом я, как обычно, понесла волшебнику обед. Может быть, так я смогу задать ему еще несколько вопросов и выяснить кое-что насчет своего сердца, не выдав себя. Но вот дверь тронного зала, скрипнув, открылась, впуская меня, и я увидела, что в зале пусто. Куда делся волшебник? Я попятилась, следя, чтобы поднос не покосился, и в растерянности остановилась.

Тут пол слегка вздрогнул у меня под ногами. Дом не то чтобы заставлял меня идти в определенном направлении, но явно подталкивал меня к этому. Будь Дом человеком, он, наверное, подмигнул бы и многозначительно покачал головой.

– Ну уж нет, – сказала я. – Оставлю поднос здесь, и если все остынет, волшебник сам будет виноват.

Пол дрогнул сильнее. Я повернулась, собираясь вернуться на кухню, и чуть не врезалась в стену, которая внезапно выросла у меня на пути. Я не мигая уставилась на нее, а стена уставилась на меня. Я сжала под подносом кулаки, намереваясь не позволить Дому затравить меня, но уперлась в другой тупик.

Я вздохнула и решила уступить:

– Ладно. Показывай, куда идти.

Передо мной протянулся коридор, и мне ничего больше не оставалось, как пойти по нему. Дом заставил меня завернуть за несколько углов и покинул перед какой-то дверью. Я потянулась к ручке, которая сама легла мне в ладонь. Что я найду на этот раз? Очередную спальню?

Дверь тихо, без помех открылась. Эту странно простую, непритязательную комнату я уже видела. Шкафы теперь были открыты, являя полные полки, но четырехугольная рама так и была занавешена куском черной ткани. Полки гнулись под тяжестью банок, склянок и пучков жестких трав. Неужто я нашла Зал сердец? У меня перехватило дыхание.

На черном полу лежали открытые книги с загнутыми страницами и смятые обрывки бумаги, беспорядочно исписанные неаккуратной рукой: я заметила множество вопросительных и восклицательных знаков, словно автор приходил во все большее волнение, все сильнее раздражался. Обрывки бумаги усыпали пол, словно опавшие лепестки, а в воздухе золотистым туманом висела густая пыль.

Оторвав взгляд от пола, я оглядела комнату – и обнаружила волшебника за черным письменным столом, который он, наверное, сотворил недавно: в прошлый раз стола здесь не было.

Поначалу я не заметила волшебника, потому что он сидел спиной ко мне. Я пошла к нему через всю комнату, и мне стали видны изгиб щеки и руки, мелькающие у самого лица. Стол тоже был усыпан листками бумаги, а на черной поверхности ярко чернели и переливались лужицы чернил; кое-где чернила пропитали бумагу, превратив хаотичные записи в пурпурные болотца.

Волшебник, похоже, так погрузился в сложное переплетение искрящихся нитей, натянутых у него между ладонями – в детстве, в деревне, мы называли такую штуку «игра в ниточку», – что даже не поднял глаз при моем появлении. Я поставила обеденный поднос на пол, посреди всего этого беспорядка, поскольку на столе места не было, – и поднос издал тихий звон.

Волшебник резко обернулся, волосы взлетели и опали ему на щеки. Кажется, сами тела чародеев были устроены так, что просто не могли двигаться неграциозно.

– Ты что здесь делаешь? – требовательно спросил он. – Как ты сюда попала? – Между бровями залегла резкая морщина.

Я почувствовала себя ребенком, которого застали с банкой варенья, однако взяла себя в руки.

– Я тут ни при чем. Я просто хотела принести вам обед, и Дом привел меня сюда.

– А. – Волшебник посмотрел на блюдо. – И что там?

– Свиные отбивные.

– Опять. – Он вздохнул и капризно поморщился.

Мне захотелось развернуться и выйти, но меня занимала мысль о том, что я, возможно, все-таки отыскала Комнату сердец.

Здесь действительно ощущалась *некоторая значительность*. В воздухе висел запах металла, отчего язык у меня во рту словно распух и стал неповоротливым. В ушах тихо звенело. *Магия*.

Я сразу узнала этот запах, хотя никогда еще не ощущала его с такой отчетливостью. Может быть, я узнала его благодаря какому-то врожденному инстинкту – так крошечный мышонок, едва родившись, уже умеет пугаться, увидев тень совы.

Волшебник продолжал забавляться с ниточкой, натянутой между ладонями. Он управлялся с ней с бешеной скоростью, и мне показалось, что он отрастил себе еще несколько пальцев. У меня, смотревшей на ниточку и пытавшейся разобраться, как она натянута, разболелась голова.

Я незаметно сдвинула ногой разбросанные по полу бумаги, ища хоть что-то похожее на сердце. Может, оно было в какой-нибудь банке или бутылки, стоявшей на полке, а может, его растерли в порошок и развели в воде. Я медленно двинулась вдоль шкафчиков, но волшебник внезапно поднял голову, и я остановилась, стараясь сделать вид, что брожу по комнате просто так.

– Чем вы занимаетесь? – спросила я. – Зачем здесь все это?

Я нагнулась, чтобы разглядеть истерически исписанный обрывок бумаги. Волшебник тут же швырнул ниточку на пол:

– Ничего не трогай!

Ниточка взорвалась на месте, заставив меня подскочить, и переливчатым пеплом осыпала отбивные, отчего они стали выглядеть так, будто их полили дорогим соусом.

От взрыва бумажки взлетели и завертелись тучей мотыльков, и тем же взрывом с картины, висевшей на стене, сорвало мешковину. Волшебник хотел удержать ее, но опоздал. Мешковина вырвалась у него из рук.

Под ней скрывался портрет. Я мало что понимала в живописи и не видела ничего, кроме портретов короля, висевших в тавернах и общественных зданиях, но мне показалось, что этот портрет выполнен отнюдь не рукой мастера.

Он был скорее работой весьма среднего художника, может быть, ученика, который то убирал, то дорисовывал что-то в нескольких местах. Видно было, что работа давалась ему с трудом, краски ложились в несколько слоев и казались грязными.

Какую картину мужчина может держать под мешковиной в запертой комнате? Женский портрет? Но, несмотря на неумелость художника, я вполне смогла разобрать, что передо мной изображение мальчика. Очень маленького, лет пяти, не больше, хотя мне не очень удавалось определять возраст детей на глаз.

Портретисту явно плохо давались руки, да и глаза ему пришлось перерисовывать несколько раз, но в мальчике все равно что-то было.

Темные длинноватые волосы, крупный нос и некрасивое лицо, в котором тем не менее чувствовался характер. Художнику удалось передать упрямую линию подбородка, даже при том, что ему не вполне удалось губы, которые в итоге вышли просто мясистым пятном.

– Кто это? – спросила я.

– Никто.

Волшебник смотрел на картину, а я – на его профиль. Какие совершенные черты. Похоже, что это его портрет. Точнее, портрет, со всеми его ошибками и смазанными местами, казался рядом с ним куда более похожим на живого человека.

Волшебник, кажется, не был расположен продолжать разговор о картине, и я спросила:

– Что же вы здесь делаете?

Он сдул с глаз прядь волос, и я заставила себя оторвать взгляд от его надутых губ. Какое-то время волшебник молча смотрел перед собой, а потом вскинул руки, словно защищаясь.

– Я пытаюсь составить лекарство... да, лекарство. От... болезни. Болезни заразной и разрушительной, поэтому лекарство необходимо срочно. Король дал нам такое задание.

– Значит, волшебницы тоже составляют лекарство?

– И им это наверняка удастся гораздо лучше.

Я снова оглядела беспорядок. Подняла наугад книгу с пола, полистала. Книга показалась мне необычно тяжелой и плотной для своего размера, она стремилась за пределы своих физических границ, словно некий большой, очень большой объект пытался притвориться очень маленьким.

– Ты умеешь читать? – В голосе волшебника послышалось удивление.

Не знаю, почему меня это так рассердило. Я понимала, почему он удивился; большинство деревенских девушек не удосуживались учиться читать или писать. Точнее, никто не удосуживался учить их чтению и письму.

У них не было моего Па, любителя сказок, который, устроив у очага свое ноющее от боли тело, каждый вечер читал мне и помогал выписывать буквы, направляя мои крохотные пальчики своими грубыми руками, которые, как он их ни оттирал, всегда пахивали кровью.

Большинство считало меня неграмотной. Однако Сильвестра удивили мои способности, и меня это задело.

Я ожидала, что чародейные книги окажутся на незнакомом языке, может быть, даже с незнакомым алфавитом, но я читала написанное совершенно спокойно. Сухой научный язык, насколько я могла понять.

– Вот рецепт привороты, – заметила я. – Вы говорили, что продаете привороты. Зачем? Как-то не верится, чтобы вы нуждались в деньгах. Или... – я вспомнила про сердца, – в чем вы там берете плату.

Волшебник коротко рассмеялся:

– Нет, деньги мне почти не нужны. Я не беру платы. Но король хочет, чтобы мы приносили пользу простым людям. Он говорит – для сохранения сердечных отношений.

Я фыркнула.

– Но если человек пришел ко мне за магической помощью, значит, он в отчаянном положении. – Сильвестр снова подпер подбородок руками.

Я удивилась, расслышав в его голосе горькие нотки.

– Наверное, за волшебной помощью только от отчаяния и ходят, – заметила я.

– Не все. Иные хотят волшебства просто от жадности. Нет, когда дело касается зелья и приворотов, я – последнее средство. Я уже говорил тебе, что в смысле ворожбы ничем не лучше какой-нибудь знахарки.

– Но вы же *волшебник*.

Он изогнул бровь:

– Другие куда могущественнее меня.

– И поэтому есть... – Я не знала, как лучше сказать. – Поэтому вы всего один такой?

– Да, – просто согласился он. – Волшебные силы проявляются у меня... по-разному.

Последствия моих заклинаний иногда бывают непредсказуемыми. Поэтому те, кому нужна волшебная помощь, приходят ко мне в самом конце, когда все остальные уже отказали.

– Что значит «непредсказуемые последствия»?

Сильвестр фыркнул:

– Именно это и значит. Иногда чары действуют, а иногда... – взмахом руки он указал на беспорядок и пролитые чернила, – не действуют. Или действуют, но не так, как надо. – Он запрокинул голову; глаза блестели неестественно ярко. – Для этого я и создан. Все должно даваться мне естественно, как дыхание. А если нет, то какая от меня польза?

Я уже готовилась задать следующий вопрос, но меня напугал стук в дверь. Испугалась я отчасти потому, что стук был неожиданным, отчасти потому, что услышала его на таком расстоянии. Меня это удивило. Сначала я решила, что мне померещилось.

– Вы слышали?

– В дверь стучат, – услужливо подсказал волшебник.

Мне почему-то стало страшно. Я свыклась и с Домом, и со своей ролью в нем; быть невидимкой оказалось удобно. И мне совершенно не хотелось снова являть себя миру.

– Кто это?

– Полагаю, тебе следует открыть, – рассеянно сказал волшебник. Он снова занялся бумагами, разложенными на столе. – Проводи гостя в тронный зал.

Ругая вполголоса избалованных волшебников, я потопала к входной двери; Дом покорно (или торопясь привести меня к гибели) укоротил коридор.

Может, это одна из волшебниц? Не знаю, что со мной будет, если я увижу кого-нибудь из волшебных делателей так близко. До сих пор я взидала на них с почтенного расстояния. А вдруг она одним только взглядом вытянет из меня остатки сердца? Хотя хуже мне вряд ли станет.

Может, и правда лучше положить всему конец, чем чахнуть в доме волшебника? Я решила рискнуть и направилась к двери. С самого своего прибытия у меня не было случая открыть этот сгусток черноты.

Когда я открыла дверь, меня оглушил хаос звуков и красок, а дневной свет резанул по глазам, словно лучший отцовский филейный нож. Я сморгнула, чтобы как следует видеть, и укрепила духом, готовясь встретить волшебницу, однако передо мной стоял мелкий, как хореk, человек. Он сжимал в руках кожаный кошелек и, похоже, был испуган не меньше моего. Когда я взглянула на человечка, он подскочил.

– Вы кто? – спросила я.

– А *вы* кто? – ответил он вопросом на вопрос.

Я его понимала. В таком великолепном месте меньше всего ожидаешь увидеть особу вроде меня.

Человечек взял себя в руки и заговорил спокойнее:

– Я пришел за волшебной помощью.

– Ну да, – заметил Корнелий, который уже возник у моих ног. – Давненько я никого из них не видел.

Если до этого человечек чуть не подскочил, то теперь, услышав говорящего Корнелия, затрясся всем телом. Я открыла дверь пошире:

– Думаю, вам лучше войти.

Корнелий повел гостя в тронный зал, как некогда меня. Дом вел себя благопристойно: расположения комнат не менял, с полом шуток не шутил. Однако посетитель выглядел так, будто со всех сторон его окружали ловушки, которые только и ждали, когда он в них попадет. Я никогда не видела, чтобы человека так пугал мрачный черный коридор.

– Сюда, – сказала я, указывая на дверь тронного зала.

Человечек, казалось, был готов растечься лужицей там, где стоял.

– А вы не войдете со мной? – напряженно спросил он.

Мы с Корнелием переглянулись.

– Хорошо.

Должна признаться, мне стало любопытно. Открыв дверь, я обнаружила, что волшебник, как всегда, раскинулся на своем большом черном стуле: одной рукой жонглировал шаровыми молниями, другой подпирал подбородок.

– Ну? – нелюбезно спросил он.

– Посетитель, – доложила я.

– Где?

Я поняла, что человечек съезжился у меня за спиной. Он так трясся и сжимался от страха, что я не могла разобрать, какого он роста на самом деле.

– Возьмите себя в руки, – сказала я через плечо.

Человечек просунул голову в дверь и облизал губы.

– Приветствую вас, ваша светлость, – произнес он.

Я чуть не фыркнула.

– Ну? – повторил Сильвестр. – Я занят.

– Мне нужно... снадобье, ваша светлость.

Сильвестр вздохнул. Шаровые молнии одна за другой упали в подставленную ладонь, волшебник сжал кулак, и они исчезли, испустив облачко дыма.

– Снадобье какого рода?

– Э-э... – Человечек взглянул на меня.

– Я подожду снаружи, – бросила я, вышла и закрыла за собой дверь.

Корнелий уже сидел в коридоре, аккуратно обвив передние лапы хвостом.

Наверняка человечек явился за чем-нибудь укрепляющим мужскую силу, размышляла я. Или же за снадобьем, которое избавит от нежеланного ребенка. Когда я жила в деревне, мне случалось время от времени болтать с доброй женой Тилли, и она говорила, что если кто приходит в лавку травницы через заднюю дверь, то является или за тем, или за этим. Тилли утверждала, что ничего такого не продает, но я сомневалась в ее словах.

– И часто это случается? – спросила я.

– Нет, – ответил Корнелий. – Но если уж люди приходят, то они всегда такие.

Дверь у меня за спиной распахнулась раньше, чем я ожидала, и мне пришлось убраться с дороги. Человечек, выпучив глаза, прижимал к груди бархатный мешочек с завязками; мешочек он сжимал с такой силой, что у него у него побелели костяшки.

– Закончили? – спросила я.

Он кивнул, явно утратив способность говорить. Просто стоял и смотрел на меня, пока я не сообразила: он ждет, чтобы я проводила его.

– Ах да. Сюда.

Я зашагала назад, к входной двери, но открыла ее не сразу. Костяшки посетителя все еще были белыми, как жемчужины.

Я не могла сдержать любопытства:

– О чем вы его просили?

При звуках моего голоса человечек дернулся.

– И вы здесь живете? – спросил он, пропустив вопрос мимо ушей. – Как вы это выносите?

– Что?

– Ну, вы так близко к одному из *Них*. – В голосе человечка слышался благоговейный страх.

– Со временем привыкаешь. – Я не собиралась выкладывать ему свою историю.

– Я их, конечно, видел, да и слышал всякое... Но когда ты совсем рядом... – Он покачал головой.

– Ну да, – сказала я не без яда в голосе.

Человечек трясущейся рукой достал кошель:

– Плата.

Я, не думая, протянула руку, ожидая услышать звяканье золотых монет. Однако в мою ладонь высыпалась целая пригоршня неприятно сморщенных сыроватых комочков, похожих на квашеный инжир.

От удивления я выругалась, и плата просыпалась на пол; человечек, метнув на меня разъяренный взгляд, опустил на колени и принялся подбирать свое приношение, прогнав Корнелия, который уже начал обнюхивать один комочек.

– Вы что! – зашипел он. – Вы хоть знаете, на что мне пришлось пойти, чтобы добыть их?

– Я даже не знаю, что это такое, – сказала я, отступая, чтобы рассмотреть получше.

– Это сердца.

– *Человеческие*?

– Надеюсь. Учítывая, сколько я за них отвалил. – Человечка так удивило мое невежество, что он даже перестал злиться. – Вы что, ничего о них не знаете?

Я открыла и закрыла рот, как рыба. Как ему ответить?

– Я не думала, что они *такие*, – выдавила я наконец. – Такие маленькие! И сморщенные!

– Ну да, они подсохли, – объяснил человечек. – Их бы, по-хорошему, еще подсушить, но пришлось принести что есть.

Невероятно. Неужели в этом городе все носят при себе мешочки с сердцами? Неужели горожане убивают друг друга? Ну и ну. Я не знала, что и думать. Как странно, что такое мощное магическое средство растрачивается на ничемные заговоры и зелья для публики. А то, что сердца могут продаваться на черном рынке, казалось мне грандиозным надувательством.

– Я-то думал, вы их кучами видите, раз здесь живете. Они же на них свое волшебство замешивают, да?

– Но... они же сами за ними ездят, – сказала я. – А не *покупают*. Откуда у вас столько?

Человечек озадаченно склонил голову, словно я спросила о чем-то, что всем известно.

– Я не здешняя, – объяснила я. – Приехала из деревни. Из *дальней* деревни.

– А-а-а. – Кажется, мое объяснение его удовлетворило. – Ну да, конечно, они сами ездят за сердцами. Но для других есть рынок, если вы знаете, где искать. Ходят слухи, что если запастись сердцами, то тоже можно колдовать, даже если ты не один из *Них*, но я про это ничего не знаю.

Человечек наконец собрал сердца в кошель, а кошель вручил мне. Я взвесила мешочек на ладони. Не знаю, что волшебного могло остаться в этих унылых сморщенных комочках, – но что я в этом понимаю? Может, из них еще можно что-нибудь выдоить.

– И ими можно расплатиться с волшебниками?

– Ну да. Всегда можно было. Но другие сейчас не торгуют волшебной помощью.

– Почему?

– Не знаю. – Человечек нахмурился. – В последнее время все изменилось. Все остальные мне отказали.

Да уж, Сильвестр и правда оставался последним средством.

– Что ж, удачи, – сказала я.

Человечек кивнул на прощание и пулей вылетел в дверь, торопясь убраться отсюда. Я еще раз полной грудью вдохнула соблазнительный уличный воздух, и дверь тихо закрылась. Я взглянула на отвратительный мешочек, который держала в руках.

– Что это? – спросил Корнелий. Я протянула коту мешочек, предлагая ему обнюхать сердца как следует. – По-моему, свинье, – заключил кот тоном знатока.

Я так и знала. Вернувшись в тронный зал, я обнаружила Сильвестра сидящим на троне: локти уперлись в колени, взгляд в никуда.

– Мне велели передать вам вот это. – Я протянула ему кошель со свинными сердцами.

Сильвестр едва взглянул на него.

– Они ни на что не годны. Этого дурака обвели вокруг пальца. – Он вздохнул. – Кстати. Наш гость унес последнюю порцию снадобья. Нам придется отправиться в путь.

– Отправиться *в путь*?

Я представила себе, как сижу рядом с волшебником в великолепной карете по дороге в очередную деревню и смотрю, как он цепляет на крючок очередную, ничего не подозревающую девушку. Неужели он и правда ждет, что я отправлюсь с ним собирать сердца?

– На рынок, – пояснил он к моему облегчению.

– А зачем вам на рынок? Вы же можете все сотворить дома? Ваза с фруктами наполняется сама в мгновение ока, стоит мне подумать о яблоке.

– Есть вещи, которые сотворить волшебством невозможно. А если все же попытаешься, они утратят свою действенность.

– Например?

– Например, некоторые травы, тинктуры... Даже волшебную провизию надо время от времени заменять настоящей. Если есть одно только волшебное, то и заболеть недолго.

– Поэтому вашим приходится закупать все это в деревнях?

А я-то считала, что это просто предлог.

– Иногда.

– Но я думала, для волшебства нужны только сердца.

К моему удивлению, Сильвестру как будто стало неловко. Сотворив очередную шаровую молнию, он принялся вертеть ее в пальцах с ловкостью уличного фокусника.

– Нам нужны *не только* сердца, – довольно резко ответил он.

Волшебник вдруг выпрямился, одежда на нем замерцала, и не успела я оглянуться, как он уже был одет для дороги: тяжелый плащ с несколькими пелеринами, по виду кожаный, и сапоги с квадратным носом, поглубже тех, в которых он щеголял обычно. (Я заметила, что обувь – предмет его тщеславия; она обычно была самой экстравагантной частью его наряда.)

– Пойдешь со мной на рынок, – все так же отрывисто распорядился Сильвестр.

Чтобы тащить покупки, предположила я и оглядела свое платье. Да, ткань богаче любого моего деревенского наряда, но все же не для выхода в город.

Словно прочитав мои мысли, волшебник сделал движение рукой, и одежда понеслась прочь с моего тела, как кошки за мышью. Легкие наполнились металлическим запахом волшебства.

С испуганным воплем я попыталась удержать остатки ткани, чтобы прикрыться, но зря тревожилась: с той же скоростью, с какой старая одежда соскользнула с моего тела и улетела как тень, новая вьюнком поползла по ногам; юбки, лиф – все обвилось вокруг меня, не оставив места нагоде.

– Могли бы предупредить! – выпалила я.

Новое платье было бархатным, с ворсом потоньше, теплое и точно по мерке. Опустив глаза, я увидела ряд золотых пуговиц и изысканную вышивку на застежке.

Как же нелепо я, наверное, выгляжу. Дочка мясника, разодетая, как благородная дама. Единственное в Доме зеркало осталось в будуаре сестры волшебника, а мне Дом зеркал не предлагал – потому, наверное, что видеть свое отражение мне хотелось меньше всего.

Волшебник, однако, остался доволен моим видом.

– Идем, – коротко распорядился он и стремительно прошагал мимо меня в темный коридор, оставив после себя коричнево-медный запах.

От волшебства, от его близости у меня закружилась голова. Я последовала за ним, наступая на подол своей новой нарядной юбки.

Свежий прохладный воздух взбудрил меня, ветер доносил запахи и гул города. Я даже не понимала, какими скудными стали мои ощущения в волшебном Доме, насколько они ослабли и затуманились.

Но сейчас я отчетливо поняла: все, что производил Дом, и близко не было настоящим. Настоящее *здесь*, в ослепительном вонючем хаосе, который можно глотать и выплевывать с каждым вдохом и выдохом.

Волшебник с любопытством оглянулся на меня. Должно быть, я, разевавшая рот и жадно вдыхавшая воздух, походила на выброшенную на берег рыбу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.